

СОЛ

*Книги, изменившие мир.
Писатели, объединившие
поколения.*

БЕЛЛОУ

ХЕНДЕРСОН – КОРОЛЬ ДОЖДЯ

Э К С К Л Ю З И В Н А Я К Л А С С И К А

Эксклюзивная классика (АСТ)

Сол Беллоу

Хендерсон – король дождя

«Издательство АСТ»

1958, 1959, 1974

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

Беллоу С.

Хендерсон – король дождя / С. Беллоу — «Издательство АСТ»,
1958, 1959, 1974 — (Эксклюзивная классика (АСТ))

ISBN 978-5-17-136927-9

«Хендерсон – король дождя». Об этом романе Генри Миллер сказал: «Я только мечтать могу так писать». Этим романом восхищались Курт Воннегут и Джозеф Хеллер. Этот роман критики единодушно признают одним из лучших американских произведений XX века. Рок-музыканты посвящали ему песни, он лег в основу либретто популярной рок-оперы, а также одной из серий культовых «Секретных материалов». Но чем же так заворожала и литературоведов, и писателей, и самых обычных читателей история стареющего миллионера Юджина Хендерсона, сбежавшего от привычной жизни в Африку и сделавшегося королем дождя в маленьком бедном племени?

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-136927-9

© Беллоу С., 1958, 1959, 1974

© Издательство АСТ, 1958, 1959, 1974

Содержание

I	6
II	9
III	15
IV	21
V	26
VI	35
VII	40
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Сол Беллоу

Хендерсон – король дождя

Saul Bellow

HENDERSON THE RAIN KING

© Saul Bellow, 1958, 1959, 1974, The Estate of Saul Bellow

© Перевод. Г. Злобин, наследники, 2021

© Издание на русском языке AST Publishers, 2021

I

Зачем меня понесло в Африку? Сразу на этот вопрос и не ответишь. Просто с каждым днем жизнь становилась сложнее и сложнее, и наконец все совершенно запуталось. Покупая билет на самолет, я подумал о своих пятидесяти пяти годах, и меня охватила тоска – такая, что сдавило грудь... Потом началась сумасшедшая предотъездная гонка. Надо было навестить родителей, обеих жен, любовниц, детей, надо было побывать на ферме, позаботиться о четвероногих. И конечно же, мои привычки, мои деньги, мои занятия музыкой, мои зубы, мои предрассудки, мое пьянство и – главное – моя душа! Хотелось крикнуть: «Оставьте меня в покое!» Но как они могут оставить меня в покое? Они принадлежат мне. Они мои. Они громоздятся вокруг меня, и жизнь превращается в хаос. И тем не менее мир, который я всегда считал угнетателем человека, не обрушил на меня своего гнева.

Чтобы все-таки объяснить, почему я отправился в Африку, мне придется изложить некоторые факты. Начну с самого простого и понятного – с денег. Я человек богатый. Унаследовал от своего старика три миллиона чистыми, после уплаты налогов. Но проблема в том, что я считаю себя бродягой-прохиндеем, словом, последней задницей, и на то есть веские причины. Главная состоит в том, что я жил всегда как бродяга, прохиндей и последняя задница. Когда же становилось невмоготу, я заглядывал в книги, надеясь найти успокоительный совет, и вот однажды вычитал: «Неизбывно прощение грехов наших, оно не требует ни благочестия, ни добродетели». Высказывание так поразило меня, что несколько дней я мысленно его твердил. Я не запомнил, в какой книге на него наткнулся. Отец собрал несколько тысяч томов, не считая тех, что написал сам. Я перебрал полсотни, но находил только деньги. У отца было обыкновение использовать в качестве закладок банкноты, какие случались в кармане, – пятерки, десятки, двадцатки. Попалось и несколько купюр тридцатилетней давности. Я был рад: они напоминали о прошлом. Запершись в библиотеке от детей, я залез на стремянку, листал и тряс том за томом, но на пол сыпались только деньги, деньги, деньги. Завета о вечном прощении я так и не нашел.

Следующий факт. Я – выпускник одного из университетов «Лиги Плюща». Не буду его называть, ни к чему бросать тень на альма-матер. Если бы я не носил фамилию Хендерсон и не был сыном своего отца, меня бы вышибли с первого курса.

Что еще? Роды у мамы были тяжелые. Я весил четырнадцать фунтов. Потом подрос. Сейчас мой рост – шесть футов четыре дюйма, вес – двести тридцать фунтов. Долговязый, нескладный, с огромной головой и шевелюрой как каракуль. Длинный нос, глаза под приспущенными веками, которые не смотрят, а словно что-то высматривают. Развязные манеры. Нас, детей, в семье родилось трое, но выжил я один. У отца достало доброжелательности простить мне это, хотя я не был уверен, что он простил меня от чистого сердца.

Когда пришла пора жениться, я в угоду отцу выбрал девушку нашего круга – высокую, элегантную, красивую, длинноногую, с золотистыми волосами и великолепными задатками к деторождению. Надеюсь, никто из ее семьи не станет возражать, если я добавлю, что она еще и шизофреничка. Меня самого считают человеком со сдвигом, и правильно: я угрюмый, грубый, вспыльчивый, словом, все признаки психического расстройства. Судя по возрасту детей, мы были женаты около двадцати лет. Детей зовут Эдвард, Райси, Алиса. Имена еще двоих не помню. Господи, благослови их всех!

Я много и упорно работаю – на свой манер. Вообще-то труд – это мука, так что иногда напиваюсь, даже не дождавшись ленча. Вскоре после возвращения с войны (по возрасту меня признали негодным к строевой службе, но я поехал в Вашингтон и обивал пороги, пока не добился назначения в действующую армию) мы с Френсис развелись. После Дня Победы.

Неужели так быстро? Не может быть! Пожалуй, в сорок восьмом. Так или иначе, она сейчас в Швейцарии, и с ней кто-то из наших детей. Понятия не имею, зачем ей там сын или дочь.

Я был рад разводу, открыл свежую страницу в жизни. Я уже выбрал новую женщину, и скоро мы поженились. Вторую мою жену зовут Лили, ее девичья фамилия Симмонс. У нас два сына-близнеца.

Сначала мы с Лили отлично ладили, однако потом все пошло наперекосяк, начались нервы, трепки. Мы ссорились с Лили чаще и серьезнее, чем с первой женой. Френсис старалась не замечать моих выходов. Она была как возлюбленная Перси Биши Шелли: одинокая луна, светит, но не греет. А Лили легко вспыхивала жарким пламенем раздора. Я оскорблял ее на людях и крыл последними словами, когда мы оставались одни. Может быть, жизненные перемены к лучшему сказались на мне отрицательно, – я считал неурядицы нормой. То и дело ввязывался в драки в салунах вокруг моей фермы, а полиция запирала меня в камеру. Я кричал, что куплю их оптом или в розницу, и они показали бы мне, где раки зимуют, не будь я самой заметной фигурой в округе. Утром приходила Лили, вносила залог, и меня отпускали. Однажды я здорово поцапался с одним типом из-за лучшей моей свиноматки. Другой раз крупно повздорил с водителем снегоочистителя, который хотел, чтобы я уступил ему дорогу на Седьмом федеральном шоссе. Пару лет назад спьяну свалился с трактора и сломал ногу. Несколько месяцев я ковылял на костылях, угрожая пристукнуть каждого встречного. Я злился, сыпал проклятиями, зловеще скалил зубы... Неудивительно, что никто не рисковал стать у меня на пути.

Лили любила устраивать чаепития для знакомых дам. Вообразите: стуча костылем, я вваливаюсь в гостиную в несвежих носках и красном вельветовом халате, который на радостях купил в Париже в тот день, когда Френсис объявила, что подает на развод, и в красной же шерстяной шапочке. Вытирая кулаком нос и тяжело шаркнув загипсованной ногой, протягиваю госте руку: «Позвольте представиться, я мистер Хендерсон... Как поживаете?» Потом подхожу к Лили и тоже представляюсь, как незнакомой. Удивленные дамы наверняка шептались: «Он думает, что женат на той, первой. Кошмар, правда?»

Потом Лили укоряла меня: «Джин, тебе не надоело ломать комедию? Чего ты добиваешься?»

Я, выставив зад, скреб загипсованной ногой по полу и пыхтел, изображая старенький паровоз: «Тук-тук, тук-тук».

Когда меня привезли из больницы в этой поганой гипсовой повязке, я случайно услышал, как Лили говорила кому-то по телефону: «Ничего особенного, очередной несчастный случай. Он у меня мужчина живучий». Живучий! Не знаю, радоваться мне или беситься.

Быть может, Лили хотела пошутить. Она вообще любит пошутить, а особенно по телефону.

Лили у меня крупная, живая женщина. Лицо у нее приятное, характер тоже. Нам с ней было совсем неплохо, а лучше всего в пору ее поздней беременности. Перед тем как уснуть, я растирал ей живот и грудь детским кремом. Розовые соски становились коричневыми, и я слышал, как в животе шевелятся малыши.

Массировал я осторожно, стараясь не сделать ей больно своими неуклюжими пальцами. Затем гасил свет, вытирал пальцы о волосы, мы целовались и засыпали, пропахшие детским кремом.

Потом начались ссоры. Замечание о моей живучести я истолковал в отрицательном для себя смысле, хотя и знал, что она не имела в виду ничего такого. И мне не нравилось, что она выставляет себя хозяйкой дома и истинной леди, потому что единственный наследник громкого имени и богатого поместья – бродяга, бездельник и последняя задница, а она никакая не леди, а просто-напросто моя жена.

Зимой мне стало совсем не по себе, и Лили предложила поехать туда, где тепло, например на побережье Мексиканского залива, где я мог бы помимо всего прочего всласть порыбачить.

Кто-то из друзей подарил моим мальчикам по рогатке. Распаковывая на побережье свои вещи, я обнаружил у себя в чемодане рогатку. Вместо того чтобы ловить рыбу, я целыми днями стрелял из рогатки камнями по пустым бутылкам. Местные жители могли бы судачить обо мне так: «Видите этого здоровяка с огромной головой, носом как клюв у дятла и обвисшими усами? Его прапрадед был государственным секретарем, двоюродный дядя состоял на дипломатической службе, был послом в Англии и Франции, а его отец Уилл-Кру Хендерсон – знаменитый ученый. Это он написал ту книгу о еретиках-альбигойцах. Кстати, он водил дружбу с Уильямом Джеймсом и Генри Адамсом».

Так я и жил в курортном местечке на берегу Мексиканского залива, жил со второй женой, имеющей приятную наружность, рост под шесть футов и нервический характер, с ней и с сыновьями-близнецами. За завтраком вливал в кофе изрядную порцию бурбона из фляжки, а днем стрелял на берегу из рогатки по бутылкам. Обитатели пансиона жаловались управляющему: на пляже битое стекло. Тот передал жалобу жене, так как ко мне обратиться не решился.

Пансион был дорогой, фешенебельный. Никаких евреев. И вдруг – нате! На голову им сваливается Юджин Г. Хендерсон...

Дети перестали играть с моими близнецами, а дамы избегали Лили.

Жена пыталась урезонить меня. Мы были в нашем номере. Я в одних плавках. И тут она заводит разговор о битом стекле и моем неуважении к гостям пансиона.

Лили – умная женщина. Она никогда не повышает голоса, от нее не услышишь бранного слова. Зато она ну очень любит читать нотации. Прирожденный моралист, при этом она бледнеет и говорит почти шепотом – не потому, что боится меня, а потому, что сама переживает.

Поскольку ее доводы на меня не подействовали, она зарыдала. От ее слез я, потеряв голову, закричал: «Я застрелюсь! Вышибу себе мозги! Я не забыл взять с собой пистолет! Он у меня в кармане!»

– Господи, Джин! – вскрикнула она и, закрыв лицо руками, выбежала в коридор. Сейчас скажу почему.

II

Потому что ее отец покончил жизнь самоубийством.

Застрелился из пистолета.

Помимо всего прочего нас с Лили связывает то, что у обоих никудышные зубы. Она, как и я, носит мост, хотя на двадцать лет младше меня. Лили потеряла четыре верхних резца еще школьницей, когда играла в гольф с отцом. Папаша ее был закоренелый пьянчуга, в тот день так нализался, что вообще не должен был выходить на поле. Не глядя по сторонам, безо всякого предупреждения он замахнулся клюшкой и попал дочери по лицу. Меня всего передергивает, когда думаю о том злосчастном июльском дне, окровавленной пятнадцатилетней девочке. Будь прокляты пьянчуги-слабаки! Особенно те, кто старается показать, как они переживают... Лили жалела отца. Я никогда не слышал от нее дурного слова о нем. Она и сейчас носит его фото в портмоне.

Лично я его не знал. Отец Лили умер лет за десять до того, как мы познакомились. Вскоре после его смерти Лили вышла замуж за какого-то типа из Балтонмора, человека, по ее словам, с хорошим общественным положением. Потом у них что-то не заладилось, и во время войны они развелись (я в это время воевал в Италии). Лили вернулась домой, в Данбери, столицу шляпного производства, где жила с матерью.

Так случилось, что однажды зимним вечером мы с Френсис отправились в Данбери в гости. Френсис поехала неохотно. В то время она состояла в переписке с каким-то европейским интеллектуалом. Френсис большая любительница книг, писем и неисправимая курильщица. Когда у нее случался очередной приступ занятий философией или чем-нибудь в таком же роде, мы с ней мало виделись. Она запиралась у себя в комнате, курила одну сигарету за другой, надрывно кашляла и писала, писала. Так вот, мы поехали в гости, а на нее опять напала интеллектуальная горячка. Посреди шумного застолья жена вдруг вспомнила о каком-то неотложном деле, взяла нашу машину и, позабыв обо мне, укатила домой.

Среди присутствующих мужчин я был единственным в выходном вечернем костюме: темно-синий смокинг с галстуком-бабочкой. У меня было такое ощущение, будто на мне целый акр темно-синего сукна. Лили, с которой нас только что познакомили, была в зеленом, словно под Рождество, платье с красными полосами.

После недолгой приятной беседы она предложила прокатиться. Я сказал: «О'кей», – и мы по свежевывавшему снежку зашагали к ее машине. Ночь была прозрачная, звездная, снег поскрипывал под ногами. Лили поставила свой автомобиль на холмике. Когда мы съезжали с него, машину занесло, Лили испуганно вскрикнула: «Юджин!» – и обняла меня. Насколько я мог судить, кругом не было ни души. Голые руки под меховым жакетом обнимали меня. Машина юзом съехала в сугроб. Я выключил зажигание. Луна светила вовсю.

– Откуда ты знаешь, как меня зовут? – спросил я.

– Кто не знает Юджина Хендерсона? – отозвалась она.

Мы еще малость поболтали, и вдруг она заявила:

– Тебе нужно развестись со своей женой.

– Ты понимаешь, что говоришь? Я тебе в отцы гожусь...

Больше мы с Лили не виделись. До лета. Я приехал в Данбери купить досок для нового сарая и у одного магазина встретил Лили – она тоже делала покупки. На ней было белое пикейное платье, белые туфли и шляпка. Накрапывал дождь, и она попросила довести ее до дома. Показала мне дорогу, но разнервничалась и стала путаться. Она очень хороша, когда нервничает. Тем временем сделалось душно, приближалась гроза. Мы заехали в какой-то тупик. Небо быстро потемнело, хлынул ливень. «Куда ты заехал? Мне домой надо!» – чуть не плакала Лили.

Наконец мы добрались до места. Небольшой дом, внутри духота, как в жару. За окном гремела гроза.

– Мама у подружки, играет в бридж. Надо позвонить ей, сказать, чтобы осталась там ночевать. Не тащиться же в такую погоду. Телефон у меня в спальне.

Лили отнюдь не распушенная женщина, уверяю вас, не сторонница свободной любви.

Сняв платье, она сказала дрожащим голосом:

– Я люблю тебя, слышишь, люблю!

Мы обнялись, и я сказал себе: «Меня любят, любят!» На улице очередной раз гроыхнуло, дождь заливал крыши, деревья, тротуары. Ослепительно сверкнула молния. От тела Лили веяло теплом и запахом свежеиспеченного хлеба. Она не переставала повторять: «Люблю! Люблю!» Темнело. Небо по-прежнему было затянуто тучами.

В гостиной сидела ее мать. Лили позвонила и сказала ей, чтобы она не приходила домой. Та, конечно же, немедленно оторвалась от игорного стола и поспешила к родным пенатам. Несмотря на сильнейшую за много лет грозу.

Появление пожилой дамы мне не понравилось, не то чтобы я испугался – просто увидел в этом недобрый знак. Ведь Лили уверяла, что о наших отношениях никто не узнает.

Я первым сошел сверху и первым увидел включенный торшер у большого старинного дивана. Спустился и сказал: «Позвольте представиться, моя фамилия Хендерсон».

Передо мной была плотная женщина посредственной наружности. Собираясь в гости, дама нарядилась как фарфоровая куколка. Она была в шляпке, на полных коленях лежали кожаная сумочка и блокнот. Было ясно, что мать мысленно перечисляла прегрешения дочери: «В моем доме... с женатым мужчиной...» и так далее, и тому подобное. А Лили вся светилась, будто гордясь тем, чего ей удалось добиться.

Я сидел как ни в чем не бывало, в небрежной позе, широко расставив ноги в башмаках, пощипывал усы и думал, что у дома стоит мой фургон с досками. В комнате ощущалось незримое присутствие мистера Симмонса, отца Лили, торговца водопроводным оборудованием. Он застрелился в комнате, прилегающей к спальне дочери. В смерти отца Лили винила мать, а я был словно орудием, средством выразить ее недовольствие. «Ну нет, приятель, – сказал я себе. – Такие штучки не для меня».

Поначалу казалось, что хозяйка дома решила оставаться в рамках приличия. Но потом не сдержалась и сказала:

– А я знаю вашего сына.

– Правда? Стройного молодого человека? Эдвард бывает в Данбери по делам. Он на красной малолитражке ездит.

На прощание я сказал Лили:

– Ты симпатичная и взрослая женщина, но не должна так вести себя по отношению к матери.

Пожилая дама сидела, не сводя с нас глаз.

– До свидания, Юджин, – сказала Лили.

– Будьте здоровы, мисс Симмонс.

Прощание было прохладным. Тем не менее мы скоро встретились вновь, уже в Нью-Йорке. Лили уехала из Данбери, оставив мать одну, и сняла квартирку на улице Гудзона в доме без горячей воды, где помимо всего прочего обитали бомжи и пьянчуги. Я поднимался по грязной лестнице в лайковых перчатках, с лицом, потемневшим от сельского загара и выпивки. Внутренний голос не умолкая твердил: «*Хочу, хочу, хочу, давай двигай, двигай, двигай!*» И я взбирался по лестнице в подбитом мехом пальто, в штиблетах из свиной кожи и с кожаным бумажником в кармане, взбирался, изнывая от похоти и недовольства, уставив воспаленный взгляд на верхнюю площадку, где ждала Лили. Полноватое лицо было бледным, чистые глаза смотрели с прищуром.

– Черт побери! Как ты можешь жить в этой вонючей дыре?! – приветствовал я свою возлюбленную.

Все в доме было старое, нищенское. Темно-фиолетовые стекла в дверях, общий туалет в коридоре на несколько квартир, цепочка спуска воды проржавела и позеленела от времени.

Лили водила дружбу с обитателями трущоб, помогая старикам и особенно матерям-одиночкам. Позволяла им держать молоко и масло в своем холодильнике, заполняла им документы по социальному обеспечению. Делая добро неприкаянным иммигрантам, она, вероятно, хотела показать, какими хорошими бывают американцы.

Запах в доме словно прилипал к лицу. Добравшись до верхней площадки, я пожаловался:

– Фу! Совсем нечем дышать!

Мы вошли в ее квартиру, тоже грязноватую, но по крайней мере хорошо освещенную.

Мы присели поговорить. Лили сказала:

– Ты что, собираешься прожить жизнь впустую?

С Френсис все было кончено. После моего возвращения из армии у нас почти не осталось ничего общего. Однажды утром на кухне состоялся разговор, в результате которого мы окончательно расстались. Разговор был короткий, всего несколько слов. Примерно так:

– И что ты теперь собираешься делать?

(Я к тому времени начал терять интерес к своей свиноферме.)

– Вот думаю, не поступить ли на медицинский. Не слишком ли стар?

Френсис, обычно такая серьезная, если не сказать – мрачноватая, расхохоталась. Я видел только широко раскрытый темный рот, даже зубов не видел.

– Ладно, ладно, что тут смешного?

Лили была права. Френсис – неподходящая жена для меня.

– Я должна родить ребенка, – сказала Лили, – а то будет поздно. Мне уже под тридцать.

– Что с тобой? Я провинился?

– Мы должны быть вместе, – был ответ.

– Кто сказал?

– Иначе мы умрем!

Прошло около года. Она не смогла меня убедить. Жениться вторично – вещь непростая. Тогда она сама вышла замуж за брокера из Нью-Джерси по фамилии Хазард. Я решил, что этим замужеством она просто шантажирует меня. Она мастерица на угрозы. В отместку взял Френсис, двух дочек и отправился во Францию, где пробыл целый год.

В детстве я провел на юге Франции несколько лет. Жили близ города Альби. Отец занимался исследованиями, касающимися альбигойцев. Пятьдесят лет назад. Я, бывало, дразнил соседского мальчишку: «*Francois, ta soeur est constipie!*»¹

Мой отец был крепкий плотный мужчина, необыкновенный чистюля. Носил белье из ирландского льняного полотна. Его шляпная коробка была оторочена внутри красным бархатом, обувь он заказывал в Англии, а перчатки – в римской фирме Витале Милано. Он неплохо играл на скрипке, а моя мама сочиняла стихи в кафедральном соборе Альби.

Канули в прошлое те времена.

Френсис не поехала со мной и дочерьми в Альби. Она осталась в Париже, чтобы посещать Коллеж де Франс, где читали лекции знаменитые философы.

В Альби непросто снять хорошую квартиру, но мне удалось это сделать. Мне сдал приличные комнаты обедневший русский князь де Вогюэ, который рассказал мне про своего прадеда: тот был министром во времена царствования Николая I. Высокий обходительный гос-

¹ «Франсуа, а у твоей сестры запор!» (*фр.*)

подин, де Вогюэ был женат на испанке, и жившая с ними его теща, сеньора Гуирляндес, так допекала его, что бедняга перебрался в каморку на мансарде.

Я уже упоминал, что мой счет в банке составляет три миллиона баксов, и я, вероятно, мог бы помочь русскому, но в то время мои душа и тело изнывали от желаний – «*Хочу, хочу!*» Так что князь, угнездившийся на верхотуре, лечил своих больных детей и боролся с нуждой без моей помощи. Если материальное положение не улучшится, сказал бедняга, он выбросится из окна.

– Не дурите, князь, – посоветовал я.

Так я и жил, мучимый совестью, в его доме, спал в его постели и дважды в день принимал ванну в его туалетной комнате. Водные процедуры не повышали настроения. После того как Френсис посмеялась над моей тягой к медицине, я не обсуждал с ней никаких дел.

Каждый день я гулял по Парижу. Пешком доходил до Гобеленовых мануфактур, не раз бывал на кладбище Пер-Лашез и в Сен-Клу. Единственным человеком, которого интересовало, как течет моя жизнь, была Лили, ставшая миссис Хазард. В парижском отделении «Америкен экспресс» мне передали записку от нее, написанную на обороте пригласительного билета на давнишнее свадебное торжество. Я разволновался, стал присматриваться к проституткам, коих великое множество в кварталах Мадлен, но ни одна не заглушила бы внутренний голос «*Хочу! Хочу!*», хотя и попадались хорошенькие мордашки.

«Она приедет», – сказал я себе. И Лили действительно приехала. Узнав у князя, что я на прогулке, она стала кружить по городу на стареньком таксомоторе и возле станции метро «Вавен» наткнулась на меня. Она окликнула меня из кабины, потом открыла дверцу. Да, она была прекрасна: прелестное, доброе, чистое лицо, лебединая шея, вздернутая верхняя губка. Как бы Лили ни волновалась, она не забывала о своих искусственных зубах и обычно широко рот не раскрывала. Но какое мне было дело до ее фарфорового моста? Благодарю тебя, Господи, за милости, которые ты мне ниспосылаешь.

– Как ты, малыш?

Лили считала меня разгильдяем и недотепой, но, как всякий человек, в ее глазах я представлял определенную ценность, и потому должен был жить (еще один такой год в Париже, и мое нутро заржавело бы окончательно). Жить с надеждой, что из меня может получиться что-то стоящее.

– А где же твой муженек?

По пути в ее гостиницу Лили говорила:

– Я тогда решила, что мне пора иметь детей. Женщины быстро стареют. (Ей тогда было двадцать семь.) Но по пути на брачную церемонию я поняла, что совершила ошибку. Мы остановились на светофоре, я попыталась было выскочить, но свадебное платье зацепилось за дверцу, он втащил меня обратно и ударил. Хорошо, что на голове была фата с вуалью, потому что сразу вскочил синяк под глазом. Я плакала даже на церемонии. И еще: у меня умерла мама.

– Синяк? Да как он смел?! – Я был в ярости. – Попадись он мне, все кости переломаяю! И прими мои соболезнования. – Я поцеловал ее в глаза.

Мы приехали в ее гостиницу на набережной Вольтера и, обнимая друг друга, поднялись – не к ней в номер, нет – а в райские кущи... Пролетела неделя. Где мы только не бродили вдвоем, и всюду за нами таскался «хвост» – сыщик, нанятый Хазардом. Я взял напрокат машину, и мы стали объезжать пригороды, смотреть соборы. Лили была замечательная и так же замечательно принялась опять допекать меня:

– Думаешь, что можешь прожить без меня? Не получится! А я не могу жить без тебя. Мне тоскливо. Знаешь, почему я бросила Хазарда? Затосковала. И тоскливее всего было, когда он лез целоваться. Я чувствовала себя такой одинокой. А когда он...

– Избавь меня от подробностей, – перебил я ее.

– Когда он меня ударил, это было от души. Никакого притворства.

И тут я запил, запил как никогда. Я был пьян в Шартре, Амьене, Везуле. Лили приходилось вести машину. Машина была малолитражная (модель 272, кабриолет), и мы, оба рослые, высились на сиденьях, блондинка и брюнет, красивые и пьяные. Лили притащилась из Америки ради меня, но я пока не поддавался.

Мы доехали до самой Бельгии и повернули назад. Прекрасная поездка, если любишь Францию. Но я ее не люблю, эту страну.

Сначала и до конца у Лили была одна-единственная тема для разговора. Она поучала меня: надо жить для того-то, делать добро, а не зло, не предаваться иллюзиям, а смотреть в лицо реальности, жить ради самой жизни, а не ждать покорно смерти. Видно, в пансионе ей внушили, что воспитанная женщина, леди, должна говорить негромко, поэтому я плохо слышал ее своим глухим ухом из-за свиста ветра, скрипения шин по бетонке и надрывного постукивания маломощного мотора.

Я знал, что ее лучезарная улыбка и сияющие глаза не дадут мне покоя.

При всем при этом у нее было множество дурных привычек. Лили забывала стирать свое нижнее белье, и мне даже в подпитии приходилось напоминать ей об этом. Приходилось, потому как она была философом и неисправимым моралистом, когда я сказал: «Выстирай свое белье», – она принялась спорить. «Грязнуля, – заметил я, – свиньи у меня на ферме и то чище», – и пошло-поехало. Она: «Земля тоже грязная». Я: «Да, но она периодически очищается». Она: «А ты знаешь, что может сделать любовь?» «Ты опять за свое? Заткнись!» – зарычал я. Она не рассердилась. Она меня жалела.

Путешествие продолжалось. Я был очарован старинными церквями, любовался ими, когда не был пьян вусмерть, наслаждался прелестями Лили, ее бормотанием и пылкими объятиями. И сотни раз я слышал от нее: «Поехали в Штаты. Я за тобой приехала».

– Нет, – говорил я. – Неужели в тебе не осталось ни капли жалости? Не терзай меня. У меня медаль «Пурпурное сердце». Я проливал кровь за свою страну. Но теперь все, хватит! Мне за пятьдесят, и у меня куча проблем.

– Тем более ты должен на что-то решиться.

Наконец я вышел из себя:

– Если ты не перестанешь, я пушу себе пулю в лоб!

Это было жестоко с моей стороны – напомнить Лили об ее отце. Я не терплю жестокости. Ее отец был человеком приятным, но слабовольным, сломленным и сентиментальным. Он застрелился посреди семейной ссоры. Однажды он пришел домой навеселе и начал выковыниваться в кухне перед дочерью и кухаркой: затягивал старинные песенки, отбивал чечетку, сыпал непристойностями. Паскудное это дело – материться при дочери. Лили много рассказывала об отце, он вставал передо мной как живой. Я любил и презирал его одновременно. «Эх ты, жалкий шут, старый пошляк. Что же ты сделал с дочерью? Бросил ее, бедную, на меня».

Я еще раз пригрозил Лили застрелиться. Это было в Шартре. Я стоял перед чистым ликом Богородицы. Лили побледнела, как воск, закрыла лицо руками и молча смотрела на меня.

– Мне плевать, простишь ты меня или нет, – сказал я.

Мы расстались в Везуле. С самого начала все говорило за то, что поездка сюда кончится плохо. Утром спускаюсь из своего номера и вижу: у малолитражки спущена шина (погода была хорошая, и накануне я отказался ставить ее в гараж). Подозревая, что менеджер гостиницы сыграл надо мной злую шутку, я потребовал, чтобы тот вышел ко мне и объяснился, но окошко конторки захлопнулось. Пришлось действовать самому. Поскольку домкрата у меня не было, я поднатужился, подсунул под ось модели 272 камень и сменил камеру.

После стычки с менеджером настроение стало лучше. Мы с Лили отправились к собору, купили килограмм земляники в бумажном кульке и пошли во двор позади церкви полежать на солнышке. С лип сыпалась золотистая пыльца, а стволы яблонь обвивал шиповник – бледно-красный, ярко-красный, огненный, терпкий, как вино. Лили сняла блузку, а под конец дошла

очередь и до лифчика. Так, полураздетая, она лежала у меня на коленях. Возбужденный, я спросил:

– Как ты узнала, что я хочу?

Шиповник на яблонях горел ярким пламенем, колючки ранили даже издали.

– Ты можешь лежать спокойно? Посмотри, какой красивый дворик за этой церковью.

– Это не церковный двор, это сад, – поправила Лили.

– У тебя вчера месячные начались. Так что не трепыхайся.

– Раньше ты был не против даже в такие дни.

– А теперь против...

Ссора кончилась тем, что я сказал: она сегодня же одна едет ближайшим поездом в Париж.

Лили молчала. Достал ее, подумал я. Не тут-то было. Ее лицо светилось радостью и любовью.

– Тебе не удастся погубить меня, я живучий! – объявил я и заплакал. Страдания переполняли мое сердце. – Садись сюда, сучка! – крикнул я и откинул верх машины.

Побледневшая Лили, не сдаваясь, бормотала что-то свое, а я, уткнувшись заплаканным лицом в рулевое колесо, говорил о гордости, чести, о душе, о любви и обо всем таком.

– Будь ты проклята, дурочка помешанная!

– Может быть, у меня и вправду не все дома, но когда мы вместе, я все вижу и понимаю.

– Черта с два ты понимаешь! Я сам ничего не понимаю. Отвяжись от меня, а то вообще рассыплюсь на куски!

Я выгрузил ее дурацкий чемодан с нестираным бельем на платформе станции в двадцати километрах от Везуля и, всхлипывая, рванул на юг Франции. В местечке Баньоль-сюр-Мер есть огромный аквариум со всякими морскими чудищами, в том числе гигантским осьминогом.

Спускались сумерки. Я смотрел сквозь стекло на грандиозного головоногого моллюска, а тот, прижав крапчатую голову к прозрачной стенке, казалось, уставился на меня. От его неподвижного взгляда веяло космическим холодом, который неудержимо затягивал меня. Пульсируя, шевелились щупальца. На поверхности воды лопались пузырьки, и я подумал: «Вот и наступает мой последний день. Смерть шлет мне предупреждение».

Однако хватит о моей угрозе покончить с собой.

III

Теперь несколько слов о причинах, побудивших меня отправиться в Африку.

Я вернулся с войны и решил стать свиноводом, что говорит о моем отношении к жизни и к роду человеческому.

Мы не должны были подвергать Монте-Кассино таким массированным бомбовым ударам с воздуха и с земли. Некоторые спецы винят в этом тупых генералов. Вскоре после кровопускания итальянцам наша часть попала под ожесточенный артобстрел. Из всего подразделения в живых остались только двое: Ник Гольдштейн и я. Странное дело: мы были самые высокие среди бойцов, то есть представляли собой отличные мишени. Немного погодя я подорвался на mine.

Мы лежали с ним под оливами – у них ветви как кружева, – и я спросил, что Ник собирается делать после войны.

– Мы с братом подумываем обосновать норковую ферму где-нибудь в Катскиллских горах. Если, конечно, останемся живы и будем здоровы.

Тогда я сказал – или мой добрый гений сказал за меня:

– Я буду разводить свиней.

Если бы Ник не был евреем, я мог бы заявить, что хочу разводить крупный рогатый скот. Сейчас, насколько мне известно, Ник с братом делают хороший бизнес на норках.

Старые строения на моей ферме были в отличном состоянии. Стойла в конюшне обшиты деревянными панелями. В прежние времена за лошадьми богатых людей ухаживали как за оперными певицами. Прекрасным образцом сельской архитектуры был сарай с бельведером над сеновалом. В этом сарае я и устроил свинарник. Свиное царство захватило лужайку, цветник и оранжерею, где ненасытные твари выкапывали прошлогодние клубни. Статуи из Флоренции и Зальцбурга были убраны, как предметы, непригодные для выращивания животных. Царство провоняло мешанкой, помоями, пометом. Разъяренные соседи обратились к санитарному врачу, некоему доктору Баллоку.

– Подайте на меня в суд. Хендерсоны сидят на этой земле больше двухсот лет. Штатская шантрапа, все эти шпаки – они что, не едят свинину?

Френсис была недовольна, но терпела, только попросила:

– Ты их хотя бы к дому не пускай.

– Не трогай моих свиней. Эти четвероногие стали частью меня самого.

Если вам доводилось ездить из Нью-Джерси в Нью-Йорк через тоннель под Гудзоном, вы, наверное, видели огороженные площадки, которые выглядят как модели немецких деревень в Шварцвальде. Это свинооткормочные станции. И вы наверняка ощущали тяжелый запах. После путешествия из Айовы или Небраски худых, костлявых свиней откармливают здесь на убой.

Как пророк Даниил предупреждал царя Навуходоносора: «...И отлучат тебя от людей, и будет обитание твое с полевыми зверями», – так и я стал жить со свиньями.

Свиноматки иногда пожирают свой приплод, потому что организму нужен фосфор. Их, как и женщин, мучает щитовидка. Да, да, я неплохо изучил этих умных, обреченных на убой животных. Любой свиновод знает, какие они умные.

Открытие, что свиньи обладают развитым интеллектом, потрясло меня.

Если я не солгал Френсис, что свиньи стали частью меня самого, то почему со временем я потерял к ним интерес?

Однако я, кажется, ни на шаг не приблизился к тому, чтобы разъяснить причину, побудившую меня отправиться в Африку. Надо наконец с чего-нибудь начать.

Может быть, следует начать с отца? Человек он был известный, носил бороду, играл на скрипке и...

Нет, не то.

Тогда вот что: мои предки отняли приличный кусок земли у индейцев. Еще больше они получили от правительства и обманом выманили несколько плодородных участков у других поселенцев. Так я стал наследником порядочного состояния...

Нет, это тоже не пойдет. Какое отношение имеют приобретения Хендерсонов к моей теперешней поездке в Африку?

И все же объяснение необходимо, поскольку я получил весомые доказательства чрезвычайно важного события и теперь должен изложить их. Трудность заключается в том, что это событие произошло как во сне.

Через восемь лет после окончания войны я развелся с Френсис, женился на Лили и вскоре почувствовал, что надо предпринять что-нибудь эдакое.

В Африку я отправился со своим другом Чарли Олбертом. Он тоже миллионер.

Я человек боевой, воинственный, темперамент не то что у штатской шушеры. В армии у меня однажды завелись вши. Я потопал в лазарет за каким-нибудь средством против этих насекомых. Едва я произнес слово «вши», доктор и три санитаров раздели меня догола, вымыли и стали брить. Начав с головы, сбрили волосы на груди, под мышками, на спине, в паху, не оставили даже бровей и усов. Происходило это в Салерно, рядом с портом, среди бела дня. Мимо ехали грузовики с солдатней, шли рабочие и крестьяне, женщины и девчонки, и все улюлюкали и хохотали. Казалось, берег и море тоже смеялись надо мной. Я хотел расправиться с четырьмя мужиками, но они разбежались в разные стороны, и мне ничего не оставалось, как расхохотаться самому, голому, на виду у всех, с колотьем по всему телу, и материться, и сыпать угрозами. Такое не забывается, хранится в памяти как некое сокровище еще и потому, что над тобой бездонное лазурное небо, а кругом Средиземноморье, колыбель цивилизаций, где скитался по водам Улисс и слышал пение коварных сирен...

Война многое для меня значила. Подорвавшись на mine – за это и получил медаль «Пурпурное сердце», – я долго провалялся на госпитальной койке в Неаполе и был благодарен судьбе за то, что жив. Когда вспоминаю войну, у меня повышается настроение, обычно неважное.

Прошлой зимой колол я дрова для камина (лесник оставил несколько толстых сучьев), и вдруг с колоды летит увесистая щепка – и бац! – мне в нос.

На дворе стоял сильный мороз, и я не понял, что случилось, пока не увидел кровь на куртке. Лили закричала: «Ты сломал себе нос!» Нос остался цел благодаря жировым отложениям на лице, но синяк не сходил долго. В момент удара мелькнула мысль: «*Вот она, правда!*» Потом вспомнилось: Лили тоже говорила о правде, когда второй муж, Хазард, подбил ей глаз. Почему правда открывается человеку лишь тогда, когда судьба наносит ему очередной удар?

С юных лет я был здоровым, сильным, напористым задирой. В колледже носил в ушах золотые серьги и тем бросал вызов сокурсникам. В угоду отцу я получил звание магистра гуманитарных наук, но вел себя как невежда и бродяга. После помолвки с Френсис я поехал на Кони-Айленд, где мне сделали наколку на груди: алые буквы составляли имя моей невесты, что, впрочем, не вызывало у нее особого восторга. А когда я после Дня Победы (четверг, 9 мая) вернулся из Европы, мне было уже сорок шесть. Я занялся свиноводством, потом сказал Френсис, что меня привлекает медицина. Она посмеялась, напомнив, что в восемнадцать лет моим кумиром был Уилфред Гренфелл, а потом Альберт Швейцер – однако дальше преклонения перед этими людьми дело не пошло.

Что же все-таки делать человеку с таким буйным характером, как у меня?

Один психиатр объяснил мне, что если ты, как положено цивилизованному человеку, изливаешь свою злость на неодушевленные предметы, то избавляешься от вредных шлаков,

скопившихся в тебе. Мне показалось это разумным, и я последовал его совету. Раздевшись до пояса, как каторжник, я рубил дрова, пахал землю, укладывал бетонные блоки и заливал их цементом, бил кувалдой камни, готовил мешанку для свиней. Это помогло мало. Недовольство собой и злость не убывали. Что прикажете делать человеку, у которого три миллиона баксов? После выплаты налогов и алиментов, после всяких других расходов у меня ежегодно оставалось сто десять тысяч чистого дохода. Зачем он мне с таким характером? Даже свиньи приносили деньги, хотя потом их пускали на убой, ели, из них делали ветчину, и перчатки, и удобрения.

Что же мне удалось сделать в жизни? Удалось украсить ее: хороший дом с термоизоляцией под крышей, оконные рамы с подогревом, в комнатах ковры и дорогая мебель. В чехлах. Стены оклеены обоями невиданной красоты или обшиты панелями орехового дерева. Тяжелые портьеры. Чистота и порядок. Кто там развалился на диване? Человек! И этот человек – я. Вымытый, надушенный, в дорогой одежде, словом, тоже украшение жизни.

Но потом приходит день горьких слез и безумия. Приходит неминуемо, как смерть. Я уже упоминал, что душа ныла, когда внутренний голос безостановочно твердил: «*Хочу! Хочу! Хочу!*» Я слышал его ежедневно после полудня. Мысленно затыкал уши, но он звучал громче и громче. Тогда я спрашивал: «Чего ты хочешь?», – но в ответ слышал те же слова и ничего, кроме них. Я пытался заглушить навязчивый говор хождением, бегая трусцой, чтением, пением. Лез на стремянку, принимался конопатить щели в потолке. Переодевался в рабочую робу и рубил дрова, чистил свинарник, садился на трактор. Голос отвергал подарки, даже самые дорогие. Я спрашивал: «На что жалуешься? На Лили? Тебя одолевает похоть? Хочешь уличную шлюху?» Бесполезно! Голос звучал громче, требовательнее. Я умолял его сказать, что он хочет. Вконец измученный, менял тактику: «Ну погоди, я тебе покажу!»

К трем часам дня я приходил в полное отчаяние, и только на закате голос стихал. Быть может, потому, что в пять я кончал работу.

Америка – большая страна, и каждый в ней что-то делает: изготавливает, строит, грузит, возит, играет на бирже, однако страдальцы страдают по-прежнему. Какие только средства спасения я не перепробовал! Даже пытался умаслить голос дорогими подарками – напрасно! В наш безумный век невозможно не заразиться безумием, но желание сохранить здравомыслие – не является ли и оно разновидностью безумия?

Однажды, роаясь в кладовке, я натолкнулся на пыльный футляр, открыл. Там лежала скрипка, на которой играл отец. Я натянул струны и провел по ним смычком. Раздались резкие плачущие звуки – так скулит домашнее животное, на которое перестали обращать внимание. Я углубился в воспоминания об отце. Мы очень похожи друг на друга, хотя он стал бы отрицать это с негодованием. Отец тоже не смог спокойно жить. Иногда он нещадно тиранил маму. Помню, однажды он заставил ее лечь в ночной сорочке у дверей своего кабинета. Она, видите ли, ляпнула какую-то глупость, так же как Лили, которая сказала кому-то по телефону, какой я «живучий». Отец тоже был человек высокий, сильный, но потом стал слабеть, особенно после смерти моего брата Дика (поэтому я остался единственным наследником состояния Хендерсонов). Отец старел, замыкался в себе, все чаще пиликал на скрипке. Как сейчас вижу его сторбенную спину и плоский зад, его бороду, поседевшую с возрастом, погасший взгляд, вздрагивающие пальцы левой руки и слышу жалобный стон инструмента.

«Дай-ка и я попробую!» – решил я, захлопнул футляр и напрямик в Нью-Йорк, в музыкальную мастерскую на Пятьдесят седьмой улице. Как только инструмент починили, я стал брать уроки игры на скрипке у старого мадьяра. Звали его Гапони, и он жил неподалеку от Барбизон-плаза. К тому времени мы уже развелись с Френсис. Она осталась в Европе, а я жил тут на своей ферме. По утрам приходила старая мисс Ленокс, готовила мне завтрак.

Однажды со скрипкой в футляре под мышкой спешу по Пятьдесят седьмой улице к венгру на урок и вдруг встречаю Лили. «Ну и ну!» – воскликнул я. Мы не виделись больше года

после того дня, как я посадил мою любовницу на парижский поезд, дружеские отношения возобновились сразу. Все то же лицо, оживленное, беспокойное, прелестное. Единственная перемена – зачем-то выкрашенные в рыжий цвет волосы с пробором на лбу. Беда, что иногда красавицам не хватает вкуса. Вдобавок, используя тушь, она сделала что-то со своими глазами – теперь казалось, что они разной величины.

Что подумаешь о молодой красивой, высокой, почти шести футов ростом, женщине в зеленом бархатном костюме, таком же зеленом, какими были униформы у проводников пульмановских вагонов, которая крепкими ногами на немыслимых шпильках вышагивает по Пятидесят седьмой, как модель по подиуму, вышагивает, покачивая крупными ягодицами на виду у всего честного народа, презрев все правила приличия и как бы сбрасывая на ходу шляпку, пиджак, блузку, лифчик, и повторяет снова и снова: «Джин, я не могу жить без тебя!»

Лили, однако, сказала другое:

– Знаешь, я выхожу замуж.

– Как, опять?

– Решила последовать твоему совету. Мы же с тобой друзья, правда? Иногда мне кажется, что мы – единственные верные друзья на белом свете... Ты что, музыкой занимаешься?

– Если б не музыка, давно стал бы гангстером. И в футляре была бы не скрипка, а автомат.

Лили начала что-то рассказывать о новом женихе.

– Чего ты бубнишь? Только снобы нарочно понижают голос, заставляя других наклоняться к ним, чтобы расслышать. Высморкайся и говори погромче. Я же глуховат, ты знаешь... Твой новый жених – где он учился? В Университете Джорджа Вашингтона или Массачусетском технологическом?

Лили высморкалась и сообщила:

– Мама умерла.

– Постой, постой, разве ты не говорила еще во Франции, что она умерла?

– Тогда я соврала.

– Зачем?

– Чтобы ты пожалел меня.

– Поганая вещь – хоронить живую мать.

– Да, это было дурно с моей стороны. Но сейчас сказала чистую правду. Мама умерла два месяца назад. – Я увидел слезинки в ее глазах. – Завещала развеять ее прах над озером Джордж. Мне пришлось нанимать самолет.

– Да ну? Прими мои соболезнования.

– Я слишком часто с ней ссорилась. Но и она хороша, не давала мне спуска. Помнишь, как мы испугались, когда она застучала нас дома? А насчет моего жениха ты почти угадал. Он окончил Нью-Йоркский университет.

– Два «ха-ха».

– Ты не думай, он хороший человек, порядочный. У него на руках родители... И все-таки... Когда я спрашиваю себя, могла бы я жить без него, ответ скорее «да»... Поэтому я учусь одиночеству. Рядом с человеком всегда целая вселенная. Женщине совсем не обязательно выходить замуж. Человеку вообще лучше быть одному. На то есть масса причин.

Сострадание – штука бесполезная, хотя иногда я испытываю это ненужное чувство. Вот и сейчас у меня заныло сердце от жалости.

– Понятно, малыш. Чем же ты теперь занимаешься?

– Продала дом в Данбери, снимаю здесь квартиру. Я послала тебе одну вещь.

– Мне ничего не нужно.

– Я о ковре говорю. Ты его получил?

– Зачем мне твой ковер? Он у тебя в доме был?

– Не-а.

– Врешь. Наверняка этот ковер из твоей спальни.

Я вернулся на ферму, а скоро посыльный принес ковер – потертый, расплывшийся, противного горчичного цвета с голубыми узорами по всему полю. Я не знал, смеяться мне или плакать. Решил постелить ковер в студии, где я овладевал скрипичным искусством, в надежде, что он улучшит акустику. Студия у меня в подвале. Пол давно залили цементом, но, видимо, недостаточно толстым слоем. Снизу жутко дуло.

Шло время. Я брал уроки у венгра и виделся с Лили. Мы встречались полтора года. Наконец поженились, а потом и дети пошли. Что до скрипки, то я, конечно, не Хейфец, но занятий не бросил.

Через некоторое время опять раздался внутренний голос: «*Хочу! Хочу! Хочу!*» Да и семейная жизнь сложилась не так, как мог бы предсказать оптимист.

Осмотревшись, Лили, как хозяйка дома и поместья, первым делом приняла решение: пригласить художника, чтобы тот написал ее портрет, и повесить его рядом с портретами моих предков. Решение было вынесено за полгода до того, как я отбыл в Африку.

Утро обычно у меня проходит так.

Встав с постели, спешу на свежий воздух, потому что в комнатах ужасная духота. Стоят бархатные дни, какие бывают только ранней осенью. Солнце уже осветило верхушки деревьев. Холодок приятно покалывает тело, дышится полной грудью. Я смотрю на высокую старую ель и на зеленоватую тень под ней. Сюда не добредают свиньи, здесь алеют бегонии и лежит разбитый камень с надписью, которую краской сделала моя мать: «Расти, моя роза, расти...» Трава еще не полегла от солнечных лучей. Под толстым слоем опавшей хвои лежат, быть может, свиные туши, а то и человеческие тела, но от сознания этого прелесть наступившего дня не становится меньше – плоть давно стала перегноем, питающим растительность. Когда поднимается ветерок, цветы под зеленью деревьев начинают качаться и словно касаются моей души. Я стою посреди этого волшебства и многоцветия в своем красном вельветовом халате, купленном на рю де Риволи в тот день, когда Френсис произнесла слово «развод». Стою и еще сильнее чувствую, как я несчастен. Что мне здесь делать?

Выходит Лили с нашими двухгодовалыми близнецами в коротких штанишках и зеленых свитерах. Оба умыты, причесаны, с черными челочками на лбу. Лили идет к художнику позировать. Мальчишки будут играть в студии около нее. Я стою в своих грязных высоких сапогах. Ношу их с удовольствием, потому что они легко надеваются и легко снимаются. Стою и с раздражением смотрю на Лили. Отчаянно ноют десны.

– Поезжай на легковушке, – говорю я ей. – Фургон мне понадобится. Нужно смотаться в Данбери за материалами.

Лили усаживает детей на заднее сиденье малолитражки, садится за руль и уезжает, а я спускаюсь в студию и начинаю разучивать экзерсисы Шевчика. Отто Кар Шевчик придумал особую технику быстрой и точной перемены позиции пальцев и прижимания струн к грифу. Новичок начинает даже не с гамм, а с целых фраз. Это трудно, но Гапони говорил, что это единственно верный способ обучения. Мой толстый венгр знал с полсотни английских слов, и главное среди них – «дорогой». «Дорогой, держите смычок так... Не бейте по струнам, смычок не палка... Да, да, так... Хорошо».

Считайте меня, в сущности, мастером на все руки. Вот этими пальцами я валяю наземь хряка и выколачиваю его и ими же держу шейку скрипки и вожу смычком по струнам, извлекая при этом звуки, похожие на те, которые слышишь, когда лопаются две дюжины яиц при падении корзинки на пол. Тем не менее я надеюсь научиться играть хорошо, и тогда польются небесные мелодии. Но отнюдь не собираюсь сделаться виртуозом. А просто хочу стать ближе к отцу, играя на его скрипке. И вот уже является мне призрак отца, и я шепчу: «Па, ты узнаешь эти звуки? Это я, Джин!» Так уж случилось, что я не верил и не верю, что мертвые уходят от

нас навсегда. Восхищаюсь рационалистами, завидую их способности мыслить трезво и последовательно.

Но к чему обманывать себя и других? Я играл для отца и для матери. А когда разучил несколько вещей, то шептал: «Ма, эта “Юмореска” для тебя» или «Па, узнаешь “Meditation” из “Таис”». Я играл с чувством, с любовью, целиком отдаваясь музыке. И не только играл, но и пел: «Rispondi! Anima bella»² (Моцарт) или «Его презирали, его отвергали, человека, повидавшего много горя» (Гендель). У меня щемило сердце, и я так крепко сжимал шейку скрипки, что сводило шею и плечевой сустав.

Со временем я обшил подвальную студию панелями орехового дерева, положил на пол тот самый ковер и установил сушильное устройство и сейф, в котором держал документы и сувениры времен войны. Соорудил я и небольшой тир для стрельбы из пистолета.

По настоянию Лили я продал большую часть моего свиного поголовья. Не любила она этих четвероногих из-за грязи, которую они разводят, хотя сама была порядочная грязнуля. Подметая пол, мела мусор только до порога, потом уезжала позировать, а я спускался в студию и начинал играть в такт внутреннему голосу.

² «Ответь! Прекрасная душа» (ит.). – Здесь и далее примеч. пер.

IV

Разве удивительно, что меня потянуло в Африку?

Как уже говорилось, в жизни человека когда-нибудь непременно настанет день мучений и безумия.

Я хулиганил, имел проблемы с полицией, грозил покончить жизнь самоубийством. На прошлое Рождество из пансиона приехала моя дочь, Райси. У нее куча своих проблем, она не слишком ладила с нами, родителями, но если говорить прямо, мне не хочется, чтобы она затерялась где-то в космосе. Я сказал Лили:

– Приглядывай за ней, ладно?

– Да, я хочу помочь, правда, но прежде должна завоевать ее доверие.

Я спустился в свой подвал, взял поблескивающую канифольной пылью скрипку и под флюоресцентной лампой начал повторять упражнения Шевчика. О Господи, Судия всеблагий и всевышний: как же болят кончики пальцев, особенно указательного, который порезал тонкой струной, ноют шейные позвонки, зудит выскочивший на подбородке прыщ! А голос внутри твердит беспрестанно: «Хочу! Хочу!»

Вскоре в доме послышался еще один голос.

Лили просила художника – его звали Спор – поскорее закончить портрет, чтобы сделать мне подарок на мой день рождения. И вот однажды она, как обычно, уехала. Воспользовавшись ее отсутствием, Райси поехала в Данбери навестить школьную подругу, но заблудилась. Проходя по какому-то переулку, она услышала детский писк, доносившийся из припаркованного «бьюика». Открыла дверцу и видит: на заднем сиденье в коробке из-под мужских ботинок лежит младенец, очевидно новорожденный. День был холодный. Райси завернула подкидыша в шерстяной шарф, привезла домой и спрятала в платяном шкафу.

Утром 21 декабря за завтраком я говорю: «Дети, сегодня день зимнего солнцестояния» – и вдруг слышу детский плач на втором этаже. Не зная, что и подумать, надвигаю на лоб козырек своей охотничьей шапочки – почему я ее не снял, сядя за стол? – и пытаюсь сменить тему. Лили многозначительно смотрит на меня, улыбается, не приоткрывая верхней губы (всегда помнит, что у нее фарфоровые зубы). Я вижу счастливые глаза Райси. В свои шестнадцать лет она выглядит сформировавшейся красавицей, немного, правда, томной, вяловатой. Сейчас от ее вялости не осталось и следа. В тот день я еще не знал, что это за ребенок и как попал в дом. Огорошенный, я обратился к близнецам: «Кажется, наверху котенок». Но таких пацанов разве обманешь.

Оглядываю кухню и вижу на плите кастрюлю и в ней бутылочку с молочной смесью. Не говоря ни слова, спускаюсь в студию.

Днем опять сверху донеслись пронзительные детские вопли. Я вышел пройтись по опустевшему поместью. Из всего свиного поголовья пока не продал только несколько экземпляров элитных пород.

Лили спустилась ко мне, когда я разучивал рождественский гимн, задумав сыграть эту вещь в сочельник.

– Не желаю ничего слышать, – сказал я.

– Я по важному делу, Джин.

– Ты хозяйка, вот и занимайся этим важным делом.

– Никто не ожидал, что такое случится. И уж конечно, не Всевышний.

– Если ты берешься говорить за Всевышнего, скажи, что он думает о твоих ежедневных отлучках ради какого-то портрета?

– Надеюсь, ты не стыдишься меня.

Наверху плакал ребенок, но речь шла не о нем. Лили решила, что мне не нравится ее происхождение. Она не чистокровная американка, а наполовину немка, наполовину взбалмошная ирландка. Однако меня беспокоило другое.

Миновало время, когда каждый человек занимал прочное положение в жизни. Сейчас любой втайне уверен, что другой занимает положение, которое по праву принадлежит ему. Не говоря уже о людях, вообще не имеющих никакого положения. Таких везде хватает.

Кто не переменится, кто останется прежним в день Второго пришествия?

Кто выдержит это испытание?

Никто.

Мы все построимся в ряды и мирно уйдем, забыв о своем происхождении и положении, уйдем, радуясь в душе, что отныне не надо никому ничего доказывать и объяснять. «С благополучным возвращением, приятель, – скажем мы, – здесь все твое. Дома, фермы, сараи, осенняя красота. Бери все это!»

Может быть, Лили уверилась в том, что ее портрет будет доказательством того, что мы – владельцы поместья – занимаем свое положение по праву.

Сомневаюсь.

В гостиной висят портреты моих предков. В этом ряду есть и мой портрет – на последнем месте. У предков бакенбарды и стоячие воротнички. А я изображен в форме национального гвардейца, в руке винтовка с примкнутым к ней штыком.

Я это к тому, что мой портрет не принес мне никакой пользы. Так что задумка жены не решит наших проблем.

Теперь послушайте. Я любил своего брата Дика. Он был самый здравомыслящий человек из всех нас. Отличился в Первой мировой войне, был храбрым из храбрых. Но в одном он был похож на меня, своего младшего брата, и это его погубило. Однажды во время каникул он сидел с приятелем в занюханном греческом ресторанчике с пышным названием «Акрополис» (это было неподалеку от Платтсбурга, штат Нью-Йорк), попивая кофе с коньяком, и писал открытку домашним. Авторучка подтекала, Дик выругался и говорит приятелю: «Поддержи-ка ее пером вверх». Тот послушался. Дик вытащил пистолет и выстрелом вышиб авторучку из его рук. Пуля, к счастью, никого из посетителей не задела, но шум поднялся неимоверный. Вдобавок пуля пробила кофейник, и оттуда, обдавая сидящих, ударила горячая струя. Хозяин, грек, позвонил в полицию. Спасаясь от погони, Дик зацепил парашют на набережной, и машина свалилась в реку. У приятеля хватило присутствия духа скинуть одежду и поплыть, а на Дике были тяжелые армейские сапоги. Они быстро наполнились водой и потянули его ко дну. Мы с отцом остались одни. Сестра умерла еще в 1901 году. В то лето я работал на Уилбура, нашего соседа, – резал автогенем старые автомобили.

Итак, идет неделя перед Рождеством. Лили стоит на пороге моей студии. В руках у меня скрипка, под ногами злополучный коврик, на плечах красный халат, на голове охотничья шапочка. Спросите – зачем? Чтобы не раскололась голова. Париж, Шартр, даже 57-я улица где-то далеко-далеко. Декабрьский ветер сметает снег с крыши и басовито гудит в водосточных трубах. И тем не менее я слышу, как плачет ребенок.

Лили говорит:

– Слышишь?

– Ничего я не слышу. Я глуховат, ты же знаешь.

– Как же ты играешь на скрипке?

– Она у самого уха. Если возьму неправильную ноту, ты скажи. Ты, помнится, говорила, что я единственный твой друг в целом свете.

– Но... – хотела продолжить Лили.

– Не понимаю. Ступай.

Около двух часов пришли гости поздравить с праздником. Они, конечно, слышали плач наверху. Но, как люди воспитанные, не подали виду. Чтобы сгладить неловкость, я предложил:

– У меня в подвале тир. Кто-нибудь хочет пострелять?

Желающих не оказалось. Я спустился один и сделал несколько выстрелов. Трубы отопительной системы разнесли грохот по всему дому. Скоро гости попрощались.

Позже, когда ребенок уснул, Лили уговорила Райси покататься на коньках. Благо пруд рядом. Молодых вообще легко уговорить.

Лили и Райси ушли, а я отложил скрипку, крадучись поднялся в комнату дочери и осторожно открыл дверь. Ребенок спал среди белья и чулок в чемодане – дочь еще не успела разложить вещи после приезда. Подошел ближе: ребенок темнокожий. Он произвел на меня сильное впечатление. Голова большая, крохотные кулачки прижаты к пухлым щечкам. Подгузником служило пушистое полотенце. Нагнулся над ребенком, чувствуя, как пылает лицо и в висках стучит, мне кажется, будто я фараон, стоящий перед малышкой. Не следует ли отнести это дитя печали в полицию? Я вышел из дома и задумчиво побрел к роще. Звенел лед под коньками любителей зимних физических упражнений. Солнце садилось. «Ну что ж, – подумал я. – Господь благословляет вас, дети».

В постели перед сном говорю Лили:

– Готов поговорить о твоём важном деле.

– Я так рада, Джин. – Она поцеловала меня и продолжала: – Хорошо, что ты можешь посмотреть в лицо реальности.

– Что ты мелешь? Я хорошо знаю реальность, лучше некуда. Я с жизнью на ты, заруби это себе на носу.

Лили сказала что-то несуразное. Я разозлился, начал кричать. Райси, вероятно, услышала перебранку, заглянула к нам, увидела, что я стою на кровати в трусах, размахиваю кулаками, и испугалась за ребенка. Двадцать седьмого декабря она сбежала с младенцем. Не желая впускать полицию, я позвонил Бонзини, частному детективу, который оказывал мне кое-какие услуги. Но тот не успел даже познакомиться с делом. Позвонила директриса пансиона и сказала, что Райси прячет ребенка в дортуаре.

– Поезжай, разберись, – сказал я Лили.

– Но я не смогу, Джин.

– Плевать я хотел, сможешь или нет.

– На кого я оставляю близнецов?

– Не хочешь ехать из-за своего дурацкого портрета? Смотри, сожгу дом и все портреты!

– Не из-за портрета, – пробормотала Лили и побледнела. – Я уже привыкла к тому, что ты меня не понимаешь. Наверное, можно попытаться жить без этого. Может быть, это грех – хотеть, чтобы тебя понимали.

Пришлось ехать самому. Директриса сказала, что Райси будет отчислена. Пропускает занятия, грубит, у нее уже несколько приводов.

– Мы должны заботиться о психологическом состоянии других воспитанниц, – сказала она.

– О чем вы? Ваши воспитанницы могут поучиться у моей дочери возвышенным чувствам. Благородные переживания лучше всякой психологии. – Я был порядком пьян в тот день. – Да, у Райси импульсивная натура, она способна увлекаться, хотя молчалива и себе на уме.

– Откуда взялся ребенок?

– Она сказала матери, что нашла его в припаркованном автомобиле, когда была в Дан-бери.

– А мне она сказала, что это ее ребенок.

– Вы меня удивляете, мадам. У Райси только в прошлом году оформились груди. Она у меня девственница. Чиста, как ангел, не то что мы с вами.

Пришлось забрать Райси из пансиона.

– Послушай, доченька, – сказал я по пути домой, – тебе еще рано иметь ребенка, мы должны отдать пацана его настоящей матери. Она раскаялась.

Теперь я понимаю, что, разлучив дочь с ребенком, нанес ей тяжелую травму.

Мальчишку отвезли в Данбери. Райси молчала. Мы с Лили решили, что ее надо отправить на Род-Айленд пожить с теткой, сестрой Френсис.

– Доченька, – сказал я, когда мы ехали в Провиденс, – твой папка переживает так же, как любой другой на его месте.

Райси рта не раскрыла. Глаза безжизненные, не те счастливые, что я видел двадцать первого декабря.

Возвращаясь поездом из Провиденса, я пошел в вагон-ресторан, изрядно выпил в баре, сел за стол и принялся раскладывать пасьянс. Другие посетители напрасно ждали, когда я освобожу столик. Ни один человек в здравом уме не осмелился потревожить меня. Я громко разговаривал сам с собой, плакал, кому-то грозил, поминутно роняя карты на пол.

В Данбери кондуктор с чьей-то помощью вывел меня из вагона и уложил на скамью в зале ожидания. Я кричал: «Бог проклял эту землю! Америка больна! И все мы прокляты, все до единого!»

С начальником станции мы были знакомы. Он не стал вызывать полицию, просто позвонил Лили, и та приехала за мной.

Расскажу еще об одном дне мучений и безумия.

Зимнее утро. За завтраком мы с Лили поссорились из-за наших жильцов. Она перестроила дом, который я не стал переделывать под свинарник, потому что строение было ветхое и стояло на отшибе. Я сам разрешил ей сделать ремонт, но потом поскупился. Вместо деревянных панелей стены оклеили обоями, и вообще все сделали попроще, подешевле. Обошлись даже без новых утеплительных материалов. Пришел ноябрь, жильцы стали жаловаться на холод. Наши жильцы – народ книжный, сидячий. Нет чтобы подвигаться, побегать для согрева. В общем, они объявили Лили, что съезжают. «Скатертью дорога!» – сказал я. Залог, естественно, не вернул.

Переделанный дом стоял пустой, и деньги, потраченные на туалет, новую ванну, на оплату мастеров и прочее, просто пропали.

Само собой, я был в ярости, кричал на Лили, надумавшую пустить жильцов, стучал кулаком по столу, пока не опрокинул кофейник.

Вдруг Лили замолчала и обеспокоенно прислушалась.

– Не знаешь, мисс Ленокс пришла? Она должна была принести яиц.

Мисс Ленокс жила в домике через дорогу.

Невысокая пожилая женщина, старая дева с нездоровым румянцем на дряблых щеках и множеством странностей. Она носила шотландский берет и вечно копошилась в углах, собирая пустые картонки, коробки и порожние бутылки.

Я пошел в кухню и увидел, что старушка лежит на полу. От моих криков и топота ее хватил удар. На плите варились яйца. Они стукались о стенки кастрюли. Я выключил газ и потрогал личико с беззубым ртом. Оно уже остыло. Как легкий порыв ветра, как сквознячок вылетела на волю в окно душа бедняжки.

Я не мог отвести от нее глаз. Вот он, конец, последнее прощание. Много, много дней заснеженный сад предсказывал это печальное событие, но я не понимал, что говорит зимняя белизна, коричневатые стволы деревьев и небесная синева.

Я ничего не сказал Лили, только написал записку: «ПРОШУ НЕ БЕСПОКОИТЬ», приколол к юбке умершей и пошел к ее домику.

В небольшом саду у мисс Ленокс есть низкорослое деревце, катальпа. Нижние ветви и ствол до высоты человеческого роста она выкрасила светло-голубой краской. Ветви повыше увешала маленькими зеркальцами и парой мотоциклетных фонарей. Эти украшения поблескивали в холодном огне зимнего солнца. Летом в погожую погоду старушка любила забраться на толстый сук и посидеть там с котами с баночкой пива. Сейчас один из ее котов, казалось, собирался прыгнуть на меня за то, что я погубил его хозяйку. Но разве я виноват в том, что у меня чересчур вспыльчивый характер и зычный голос?

Все три комнаты в доме и коридор были завалены ящиками, коробками и детскими люльками. Иными, казалось, пользовались еще в прошлом веке. Возможно, в одной из таких колыбелей качали меня...

Мисс Ленокс собирала старье и всяческий хлам со всей округи: бутылки, тарелки, лампы, подсвечники, сумки, набитые разным тряпьем, плетеные корзинки с пуговицами и шитьем. На стенах висели старые календари, пожелтевшие фотокарточки, всякие подвески, висюльки, брелки.

Вещи переживают человека.

«Боже, какой стыд! Как мы живем! Что делаем для других? Хендерсон, двигайся дальше. Сделай еще усилие. Ты ведь тоже умрешь от этой распространенной болезни – смерти, от тебя ничего не останется, кроме горстки праха или кучки пепла. Или мусора. У тебя не было ничего за душой, потому и оставаться нечему. Так что живи, пока жив».

Лили сидела в кухне и плакала.

– Зачем ты оставил эту записку?

– Тело нельзя трогать до прихода следователя. Таков порядок. Я сам едва прикоснулся к ней.

Потом я предложил Лили выпить. Она отказалась, а себе налил стакан бурбона и проглотил залпом. Виски обожгло мне все нутро, однако горестный факт остался фактом: старушка пала жертвой моей необузданности. Люди умирают по-всякому: от солнечного удара или остановки сердца на крутой лестнице, от кровоизлияния в мозг.

Лили поняла, о чем я думаю, и начала что-то бормотать. Лицо ее потемнело.

Городской гробовщик жил в доме, где я когда-то брал уроки танцев. Пятьдесят лет назад я ходил туда в шевровых штиблетах.

Когда катафалк подъехал к дому, я сказал Лили:

– Знаешь, Чарли Олберт с женой собираются в Африку. Уже наметили отъезд – через две недели. Я, пожалуй, поеду с ними. Давай поставим «бьюик» в гараж. Зачем тебе два автомобиля?

На этот раз она не стала возражать:

– Поезжай, тебе надо развеяться.

Мисс Ленокс повезли на кладбище, а я поехал в аэропорт Айдлуайлд³ и взял билет на самолет.

³ С 1963 г. Международный аэропорт им. Дж. Ф. Кеннеди.

V

Подростком я шагу не мог ступить без Чарли, человека, в некоторых отношениях похожего на меня. В 1915-м мы вместе посещали танцевальные курсы (занимались в том самом доме, откуда впоследствии вынесут гроб с телом мисс Ленокс). Взаимная привязанность сохраняется до сих пор. Чарли на год младше меня, зато его финансовое положение немного лучше моего. Когда умрет его старенькая матушка, он получит еще порядочный куш. В надежде найти решение своих многочисленных проблем я и отправился с Чарли в Африку.

Наверное, я совершил ошибку, поехав с ним. Но я понятия не имел, как один доберусь до Черного континента и что там буду делать. Чарли хорошо, он задумал сделать фильм о людях и животном мире Африки. Во время войны он снимал передвижения и бои армии генерала Паттона, так что с камерой обращаться умел. Меня лично ни фото, ни кино не интересовало.

В прошлом году я попросил друга приехать ко мне и запечатлеть на пленке породистых свиней. Он был рад возможности лишний раз продемонстрировать свое искусство и отснял множество превосходных кадров.

Когда мы пришли из свинарника в дом, Чарли объявил, что женится.

– Шлюх ты изучил досконально, это факт. Но что ты знаешь о порядочных девочках, о целочках?

– Ничего, – подтвердил он. – Но уверен, что моя невеста – единственная и неповторимая.

– Знаем мы этих единственных и неповторимых, с ними хлопот не оберешься, – возразил я, имея в виду Лили, которая даже дома теперь бывала редко.

Мы спустились ко мне в студию и выпили по поводу предстоящего события. Чарли попросил меня быть его шафером. Друзей у него почти не было. Мы пили и вспоминали золотые деньки и наши уроки танцев. Мы тосковали по прошлому, в глазах стояли слезы. Тогда он и предложил мне поехать вместе в Африку, где он собирался провести медовый месяц.

Я, естественно, принял участие в брачной церемонии: держал венец над его головой. Однако забыл поцеловать невесту, и она охладела ко мне, а потом заняла совсем враждебную позицию.

Экспедиция, организованная Чарли, была оснащена самой современной техникой, начиная с переносного генератора и кончая душевым устройством. Я был против этих прибабасов.

– Мы разве для того воевали? Мы же с тобой старые солдаты. В Африку надо ехать налегке и надолго.

Когда я покупал в Нью-Йорке билет на самолет, то поспорил с представителем авиакомпании. Тот настаивал, чтобы я взял билет в оба конца. Чтобы доказать ему и себе серьезность моих намерений, я взял билет только в одну сторону.

Мы вылетели из Айдлуайлда в Каир. Там я съездил на автобусе посмотреть сфинкса и пирамиды, потом мы двинулись дальше, в глубь континента.

Я полюбил Африку еще в самолете. С высоты трех миль я смотрел на древнюю колыбель человечества. Внизу, поблескивая на солнце потоками расплавленного металла, текли реки. Растительный мир сверху разглядеть было невозможно. Я дремал над облаками и думал о том, что, будучи мальчишкой, я мечтал, глядя на них... Если тебе (твоему поколению), как никому раньше, удастся полюбоваться облаками с обеих сторон, жизнь предстает в другом свете... Я был готов даже умереть. Но посадка каждый раз проходила благополучно.

Поскольку я прибыл в Африку в силу известных обстоятельств, то должен был от души приветствовать новое место. Я захватил с собой изрядную сумму денег и говорил себе: «До чего же богата и щедра жизнь!» Я чувствовал, что мне выпал новый шанс. Даже африканская теплынь обещала удачу. Здесь было жарче, чем у Мексиканского залива, и многоцветье растительности пришлось мне по душе. Перестало ныть сердце, молчал внутренний голос.

Скоро наша экспедиция подошла к какому-то озеру, и мы разбили здесь лагерь. По песку ползали крабы. На берегу – густые заросли тростника. Среди водяных лилий плавали крокодилы. Когда они открывали зияющие пасти, слетались птички и выклевывали из их зубов себе пищу. Цветы на стеблях папирусов напоминали похоронный плюмаж, что наводило на печальные размышления. Туземцы тоже были какие-то печальные. Мной овладевало беспокойство, и через три недели работы с Чарли я тщетно пытался услышать знакомое: «*Хочу, хочу, хочу!*»

– Только не заводись, – сказал я Чарли, – но у нас троих что-то не складывается.

Он посмотрел на меня поверх солнечных очков. Мы были на берегу, и оба в шортах. Неужели это тот парень, с которым мы брали уроки танцев? Как изменило нас время! Чарли раздался в груди, а я – еще больше.

– Почему?

– Как тебе сказать... Спасибо, что позвал меня с собой, меня всегда тянуло в Африку. Но снимать тропики мне неинтересно. Продай мне один джип, и я отвалою.

– Куда поедешь?

– Не знаю, но здесь оставаться не хочу.

– Ну, валяй. Держать тебя не буду.

А не сложилось у нас потому, что я забыл после венчания поцеловать его жену, и та крепко обиделась. Сдался ей этот поцелуй? Я и сам не знаю, почему не поцеловал ее, видно, о чем-то задумался, а она, похоже, решила, что я ревную друга.

Так или иначе, я портил им медовый месяц. Третий всегда лишний, как лишнее пятое колесо в телеге.

– Не сердись, Чарли?

– Да ладно тебе, отваливай.

Я нанял двух туземцев и, как только мы укатили на джипе, сразу почувствовал себя лучше.

Через несколько дней я одного из них уволил. С другим – его звали Ромилей – состоялся обстоятельный разговор. Он сказал: если я хочу побывать там, куда редко заезжают белые, он повезет меня туда.

– Вот-вот, – обрадовался я. – Ты меня правильно понял. Я не для того сюда приехал, чтобы ссориться с бабой.

– Я везти вас далеко.

– Чем дальше, тем лучше! Едем.

Мне попался именно тот проводник, который нужен.

Мы бросили часть багажа, и я пообещал Ромилею подарить джип, если он завезет меня в какую-нибудь глухомань.

– Далеко дорога нет. Надо ногами.

– Вот как? Тогда потопали. Машину мы спрячем, а на обратном пути заберешь ее.

Ромилей безумно обрадовался.

Мы добрались до селения, которое он назвал Талузи, и в пустующей хижине, сложенной из пальмовых веток, сняли с джипа колеса. Потом наняли двухместный самолетик и полетели в Бавентай (прежде – Белланка). Машиной управлял босоногий араб. Самолет трясло от малейшего ветерка. Крылья, казалось, вот-вот обломятся, и мы рухнем на землю. Полет, однако, прошел благополучно. Мы сели у подножья какой-то горы на площадку затвердевшей глины. К нам подошли два дюжих черных пастуха, толстогубых, с курчавыми волосами, смазанными жиром. Никогда не видел людей такого дикого обличья.

– Ты хотел привести меня сюда? – спросил я Ромилея.

– Нет, господин, мы идем далеко.

Целую неделю мы двигались дальше, и все пешком.

Я не имел ни малейшего представления, где мы находимся, в какой части континента. Мне было все равно. И спрашивать у своего проводника не спрашивал, поскольку прибыл в Африку для того, чтобы оставить кое-что позади, в Штатах.

Ромилей – хороший парень. Я вполне доверился ему. Он вел меня мимо деревень, по пустыням, по горным перевалам и джунглям. Скучный английский Ромилей не позволял ему толком объяснить, где мы и куда идем. Он сказал только, что в те места, где живет племя арневи.

– Ты их знаешь? – спросил я.

Когда-то давным-давно Ромилей гостил у арневи то ли с отцом, то ли с дядькой – я не понял с кем именно, хотя переспросил трижды.

– Значит, хочешь побывать там, где бывал подростком, – заключил я. – Ясненько.

Мне было хорошо здесь, в африканских дебрях. Я поздравил себя с тем, что оторвался от Чарли и его молодой жены и нашел верного помощника. Иметь при себе такого человека, как Ромилей, который чувствовал, от чего я сбежал и чего ищу, – большая удача.

Проводнику было под сорок, но из-за преждевременных морщин он выглядел гораздо старше. Кожа у него была дряблая. Такая бывает у многих чернокожих, и они говорят, что дряблость или упругость зависит от того, как распределяется по телу подкожный жир. Нос у Ромилей был не плоский, скорее орлиный, как у абиссинцев. Пепельные волосы кустились и торчали в разные стороны, как ветви у карликовой ели. На лице были шрамы – следы зарубцевавшихся ран, которые у некоторых народностей наносят юноше, когда он входит в возраст. Края ушей тоже были срезаны, отчего верхняя часть их заострилась и уходила в волосы. Рубцы и изуродованные уши говорили о том, что Ромилей – выходец из языческого племени.

Потом он был обращен в христианство, крещен и теперь каждый вечер молился перед сном. Встав на колени, складывал руки лиловыми ладонями друг к другу, подносил к подбородку и принимался бормотать. Из груди его, как стон, вырывались низкие звуки. Он молился, только когда мы останавливались на ночлег и над нами кружили ласточки-поясуны. Я сидел в сторонке и по-приятельски подбадривал его:

– Давай, давай! И не забудь замолвить перед ним словечко и за меня.

Однажды мы вышли на плато, окруженное со всех сторон горами. Здесь было жарко, сухо, ветер как бы подмел землю. Несколько дней нам не попадалось ни одного человеческого следа. Растительности почти не было, тут вообще ничего не было. Все было просто до великолепия. Я как будто оказался в глубоком прошлом, когда еще не было никакой истории, в доисторическом прошлом. И еще мне показалось, что между мной и валунами существует какая-то связь, чуть ли не близость. Змеевидные вершины гор были будто на ладони, видно, как на покатых склонах зарождались облака. От нагретых на солнце камней воздух переливался, отбрасывая на землю слабую тень. Несмотря на жару и сухость, мне было несказанно хорошо. Готовясь ко сну, мы ложились на землю и принимались дышать ровно и спокойно, и ночь дышала вместе с нами: вдох – выдох, вдох – выдох. На небо выплывали звезды, медленно кружились, поблескивая и звеня. Над головой пролетали крупные ночные птицы, как опахалами обмахивая нас крыльями. Я прикладывал ухо к земле и слышал будто стук копыт: то мчались где-то стада зебр или горных козлов. Я потерял счет дням, а мир, вероятно, был рад потерять мой след, хоть и на время.

Короткий сезон дождей прошел. Ручьи и реки пересохли. Кустарник вспыхивал, стоило только поднести зажженную спичку.

Плоскогорье, похожее на гигантскую мелкую впадину, которую Ромилей назвал Хинчагара, вообще не было нанесено на карты. Мы шагали по твердой раскаленной земле, и от нее волнами поднимался жар. Деревья здесь росли низкорослые, колючие, напоминавшие алоэ или можжевельник (я не ботаник, плохо разбираюсь в растениях). Тень шагавшего впереди Ромилей то укорачивалась, то удлинялась и делалась как лопата, какой пекарь сажает хлеба в печь.

Однажды утром мы шли вниз по высохшему руслу довольно большой реки – Арневи. Оно затвердело, глина тускло поблескивала.

И тут я увидел деревню: хижины из тростника и пальмовых веток с конусообразными кровлями. Над некоторыми вился и рассеивался в синеве дымок.

– Ромилей, как тебе нравится эта картина? Где мы? Похоже, что очень старое место, так?

– Я не знаю, господин.

– У меня странное ощущение, что отсюда и пошла Африка. Это место должно быть древнее, чем Ур⁴. – Я помолчал, подумал. – Думаю, нам здесь хорошо будет.

Арневи – племя скотоводческое. У реки мы наткнулись на стадо тощих коров. Потом нас окружила орава голых пузатых ребятишек. Увидев нас, малышня заверещала как резаная. Крики перекрыли мычание коров и согнали стаю птиц с деревьев. Тут же полетел град камней, и я подумал: «В нас!» – и приготовился отбить атаку.

– Господи Иисусе, – сказал я Ромилею, – так они встречают путников? – Но я ошибся: детвора пуляла в птиц.

Потом Ромилей поведал мне, что арневи почитают рогатый скот, с коровами вообще обращаются как с родственниками. Говядину племя в пищу не употребляло. Когда стадо гнали на пастбище, у каждой коровы был свой пастушонок или своя пастушка. Я пожалел, что не захватил гостинцев для детей. Во время итальянской кампании я всегда покупал в военном магазине шоколадки и арахис для тамошних бамбини.

Дети носились вокруг нас и визжали от удивления и восторга. Несколько мальцов побежали сказать взрослым, что прибыл белый человек.

– Что, если я позабавлю пузатых чертенят – подожгу этот куст? – спросил я Ромилея и, не дожидаясь ответа, крутанул колесико своей австрийской зажигалки. В одно мгновение невидимое на солнце пламя охватило куст. Через минуту от него на песке осталась только кучка золы. Ребятня испуганно притихла.

– Как, по-твоему, прошло представление? – спросил я Ромилея. Тот молчал. – Хотел позабавить детишек.

Мы не успели обсудить инцидент. К нам приближалась группа голых туземцев. Арневи – привлекательная народность. Иные так красивы, что залюбовался бы сам Микеланджело. Впереди шла молодая женщина ненамного старше моей Райси. Подойдя поближе, она зарыдала навзрыд, не вздрагивая и не ломая руки.

Я не ожидал, что ее рыдания так подействуют на меня.

Конечно, при общении с людьми надо быть готовым ко всему: к переживаниям, обидам, страданиям. Тем не менее я был потрясен несчастным видом этой молодой женщины. Женские слезы вообще ранят меня. Совсем недавно в гостинице у Мексиканского залива горько плакала Лили, и я раздраженно пригрозил покончить с собой. Но эта женщина – незнакомка, и труднее объяснить, почему рыдания вызвали во мне бурю чувств.

«Что я наделал? – в смятении подумал я. – Может, мне надо бежать в пустыню и жить там схимником, как принято у православных, пока не изыдет дьявол из меня и не будут люди взирать на меня со страхом и сомнением? Может, надо бросить пистолет, и пробковый шлем, и австрийскую зажигалку, и все остальное? Может, питаться одними акридами, пока не исторгнется из меня мое неистовство и все-все дурное, что есть во мне? Вся дурь и скверна. Однако как же я смогу тогда жить? Ведь это мой характер! Это я сам! Помоги мне, Господи! Все перепуталось в моей жизни, все перепачкалось и поломалось!»

И я стал убеждать себя, что преждевременно радовался в те дни, когда мы с Ромилеем шли по Хинчагаре, и воображал, будто уже переменился. Оказалось, что я еще не готов к нормальному общению с другими людьми.

⁴ Шумерский город – государство древнего Междуречья (5 тыс. лет до н. э. – 4 в. до н. э.).

Общество гнетет меня. Я бываю неплохим, когда один. Но стоит мне выйти к людям, душевная чехарда начинается сызнова.

Рядом с этой женщиной я сам был готов зарыдать по оскорбленной жене, брошенным детям, умершему отцу, младенцу-найденышу, забытой скрипке... Я почувствовал, как распухает нос и щекочет в ноздрях.

За молодой женщиной стояли ее соплеменники и тоже плакали – негромко, ненавязчиво.

– Что с ними? – спросил я Ромилей.

– Они стыдно, – серьезно пояснил он.

А крепкая фигуристая красавица продолжала рыдать. По широким скулам катились крупные слезы и стекали ей на грудь.

– Что ее гложет, бедную девочку? – спросил я Ромилей. – И что значит «им стыдно»? За что? Не нравится мне все это. Может, нам лучше уйти? В пустыне как-то спокойнее.

Ромилей понял, что плачущая толпа меня растревожила.

– Нет, нет, господин, ты не вина.

– Может, я напрасно сжег этот куст?

– Нет, господин. Она плачет другое.

– Ну конечно же! – хлопнул я себя по лбу. – Как я раньше не догадался? У бедняжки горе, и она просит помощи. Может, лев растерзал ее родителей? В Африке полно зверей, которые питаются человечинкой. Я их всех перестреляю.

Я вытащил свой «магнум» с оптическим прицелом и показал туземцам. Потом взял палку и начал показывать им приемы строевой подготовки с винтовкой. «Раз, два, три! Раз, два, три!» – приговаривал я.

Но общий плач продолжался. Люди закрыли лица руками. Только малышня с восторгом глазела на мои выкрутасы.

– Нет, Ромилей. Ничего не получится. Похоже, им не по душе наш приход.

– Они плакать мертвая корова, – сказал Ромилей. Он объяснил, что арневи скорбят по скотине, которая дохнет от жажды, полагая, что засуху наслали боги за их грехи. Поэтому и спрашивают нас, незнакомцев, что им делать.

– Откуда я знаю? Засуха, она и есть засуха. Но я им сочувствую. Знаю, что это значит – терять любимое животное. Леди и джентльмены, – повысил я голос, – хватит уже, расходитесь!

Туземцы медленно разбрелись, поняв по тону моего голоса, что я переживаю за них.

– Ромилей, спроси: что, по их мнению, я должен делать?

– Что ты делать, господин?

– Пока не знаю. Что-то такое, что не под силу другим.

Ромилей разговаривал с туземцами под аккомпанемент басовитого мычания гладкокожих горбатых коров (африканские коровы значительно выше наших). Плач постепенно стих, и я получил возможность лучше рассмотреть арневи. Цвет кожи у них меняется от одной части тела к другой. Чернее всего вокруг глаз, тогда как ладони, напротив, светлые – как будто они играли в салочки со светом и свет смыл с них часть черноты.

Глядя на туземцев, я подумал, что разительно отличаюсь от них внешностью. Мое лицо напоминает конечную железнодорожную станцию, вроде нью-йоркского вокзала Гранд Централ: большой лошадиный нос, рот до ушей, глаза как тоннели.

Затем ко мне подскочил человек, с которым беседовал Ромилей, и заговорил по-английски. Я удивился: никогда не подумал бы, что люди, говорящие по-английски, способны так расчувствоваться. Правда, в той плачущей группе его не было.

По росту этого незнакомца – тот был дюйма на два выше меня – и крепкому сложению я заключил, что он важная персона. В отличие от соплеменников на нем была набедренная повязка, блуза, наподобие матросской, и зеленый шелковый шарф вокруг туловища.

Поначалу он говорил медленно, подыскивал слова, потом речь потекла свободнее. Не знаю, почему я удивился. Английский сегодня – великий имперский язык, каким в давние времена были древнегреческий и латынь. Не думаю, чтобы римляне удивились, когда парфяне и нумидийцы обращались к ним на латыни.

– Меня зовут Айтело. Добро пожаловать. Как поживаете?

– Что? Что? – Я приложил руку к уху.

– Айтело, – повторил он и поклонился.

В шортах и грязных сапогах-вездеходах, с синим пробковым шлемом на голове, я отвесил ответный поклон.

Поскольку я глуховат на правое ухо, то поворачиваюсь к собеседнику в профиль, подставляя левое ухо, и вглядываюсь в какой-нибудь предмет, чтобы сосредоточиться.

Обливаясь потом, я стоял как вкопанный. Я был уверен, что оставил мир и всю суету далеко позади. Горные перевалы, плато, где не было человеческого следа и вообще ничего не было, мерцающие в выси звезды, вечерняя свежесть, напоминающая об утренней свежести ранней осенью там, дома, – я переживал все это и понял великолепие простоты. Я был уверен, что оставил мир, такой сложный и загадочный, и попал на новое место, спокойное и древнее. Но тут началось: плачущие туземцы, сожженный куст, моя похвальба («Где этот кровожадный зверь? Я его застрелю!»), моя демонстрация оружия... Я вел себя как последний клоун.

Но человек, стоявший передо мной, похоже, не сердился. Напротив, он взял мою руку, приложил к своей груди и повторил: «Айтело».

Я последовал его примеру и сказал: «Меня зовут Хендерсон. Как поживаете?» Мы разговорились.

– Ради всего святого, – спросил я, – что здесь у вас происходит? Мой проводник и переводчик говорит, что все плачут из-за коров. Может, мы пришли не вовремя? Может, следует уйти?

– Нет, мистер Хендерсон, оставайтесь. Будьте моим гостем.

Мое высказывание насчет ухода отнюдь не было верхом галантности, и Айтело сказал:

– Вы, вероятно, подумали, что вы первый белый, который пришел сюда? Увы, нас открыли раньше.

– Выходит, я крупно ошибся. Мне пора бы уж усвоить, что земной шар исследован до самого малого озерца, до самой незначительной возвышенности. Но я не изыскатель, не геолог, не этнограф, а просто путешественник.

Глубокие складки, протянувшиеся от ноздрей к уголкам рта, придавали Айтело суровый вид, но, присмотревшись, я понял, что суровость обманчива, что, в сущности, он добрейшей души человек. Правда, держался он уверенно и с большим достоинством. Прямая спина и крепкие мускулистые ноги подчеркивали эти качества.

– Похоже, вы повидали белый свет, – сказал я. – Или английский у вас второй язык?

– Нет, сэр, по-английски здесь говорю только я. – Голос звучал несколько гнусаво, видимо, из-за больших ноздрей. – Вместе с покойным братом я когда-то учился в Малинди. Потом в Бейруте. И вообще много мест объездил. Так что на десятки миль вокруг один я знаю английский. Я, да еще Дафу, вождь племени варири.

– А вы сами, случаем, не королевских кровей?

– Моя тетушка Виллателе – наша королева.

– Значит, вы принц?

– С вашего позволения, – поклонился Айтело. – Другая моя тетушка – Мталба – предлагает вам пожить в ее доме.

– Вот это гостеприимство! Благодарствую.

По фигуре и осанке я с самого начала понял, что Айтело важная персона в этих краях.

– Насколько я знаю, вы первый белый человек, приехавший к нам за тридцать лет.

– Ваше высочество, хорошо, что арневи живут в отдаленном месте. Вас не тревожат чужестранцы. В Европе я повидал немало старинных достопримечательностей, но ваше поселение куда древнее. Я не собираюсь разглашать тайну вашего места жительства и не буду фотографировать вас. Не беспокойтесь на этот счет.

Айтело поблагодарил меня, добавив, что в этих краях нет ничего такого, что могло бы привлечь чужаков. И все-таки я догадался, что дело не только в месте пребывания племени арневи. Я вообще не придаю особого значения географии, так как согласно этой науке достаточно нанести какой-либо пункт на карту – и все, больше сказать о нем нечего.

– Мистер Хендерсон, прошу пожаловать в наши края.

Погода стояла великолепная, хотя от сухости першило в горле. Хижины, деревья, люди – все поблескивало, пыль на тропе приятно пахла и действовала на организм возбуждающе. Откуда-то появились обнаженные молоденькие женщины. Это были жены Айтело. Вокруг глаз у них было черным-черно, тогда как руки и пальцы, которые казались длиннее обычных, цветом напоминали розовый гранат. Поодаль пять-шесть женщин с надетым на пальцы шнурком играли в «веревочку». Когда у кого-то получалась особо сложная фигура, другие хором поощрительно кричали «Ахо!». Мужчины засовывали пальцы в рот и пронзительно свистели.

– Сейчас мы нанесем визит королеве, моей тетушке Виллателе, а затем и другой тетушке, Мталбе, – предложил Айтело.

Подшли две женщины с зонтами, которые цветом и формой напоминали цветки тыквы. Зонты были на длинных рукоятках и поэтому плохо защищали от палящих лучей.

Мы шли ко двору королевы, построившись парами. Шествие возглавлял Айтело. Я усмехался про себя, но, чтобы не обидеть хозяев, делал вид, будто шурюсь от солнца.

Когда мы проходили мимо загона для скота, я увидел любопытную картину. Какой-то парень большим деревянным гребнем расчесывал тощей корове шкуру. Он делал это любовно, точно причесывал ребенка. С особым старанием он пригладил животному густую челку. Корова стояла неподвижно, чуя ласку, не тыкалась в человека рогами. Не нужно было быть деревенским жителем, чтобы понять, что она нездорова.

Арневи любят и почитают рогатый скот и к коровам относятся как к братьям меньшим. Небогатый язык этого племени изобилует словами о скотине. Айтело сказал мне, что у них существует полсотни прилагательных, описывающих различные формы рогов, и более сотни – касательно коровьих повадок. Я не был удивлен, поскольку сам испытываю привязанность к некоторым породам свиней. Но свинья чутко реагирует на человеческие желания и порывы, и потому особого словаря для нее не требуется.

Процессия остановилась. Все смотрели на печального малого, который так заботливо ухаживал за своей коровкой. Неподалеку убивался с горя седовласый человек лет пятидесяти: на земле умирала от жажды его корова. Стоя перед ней на коленях, он посыпал голову песком и плакал. Потом он взял ее за рога, умоляя не оставлять его одного. Но глаза животного под полуопущенными веками уже подернулись пеленой. Я едва стоял на ногах.

– Принц, неужели ничего нельзя сделать? – проговорил я.

Айтело глубоко вздохнул.

– Думаю, что нет.

И в этот момент где-то в стороне блеснула полоска воды. Сначала я подумал, что это металл, но нет, это была вода. Я даже чувствовал ее запах.

– Поправьте меня, ваше высочество, если я ошибаюсь, – остановил я принца. – Тот человек убивается из-за коровы. Но мне показалось, что там, слева, я вижу воду.

Айтело подтвердил, что зрение не обманывает меня.

– Так в чем же дело? Или вода загрязнена? Тогда ее надо вскипятить на кострах. Созовите своих подданных, пусть заготовят бочки. Может, это не самый практичный способ, но другого нет.

Айтело слушал меня, сложив руки на животе и кивая головой. Две женщины держали над ним зонт, держали в четыре руки, так, словно его вот-вот унесет ветер. Но воздух был совершенно неподвижен, будто его пристегнули к полуденному небу. От зонта принца падала клочковатая тень.

– Признателен вам за благие намерения... – произнес принц.

«...коими вымощена дорога в ад», – некстати мелькнуло у меня в голове.

– Простите, что вмешиваюсь в ваши дела. Но быть свидетелем такого бедствия и молчать – безнравственно. Можно, я хотя бы взгляну на эту воду?

Айтело неохотно согласился.

Оставив жен принца и других сопровождающих, мы с ним пошли к водоему.

«Вода как вода, – думал я. – Ничего подозрительного». И в самом деле, ничего подозрительного, кроме водорослей и тины по стенкам, в водоеме не было. Над ней был устроен большой навес из веток и тростника, предохраняющий от испарения. Со склона горы к водоему сбегала ложбинка, которая обеспечивала естественный приток влаги. После долгих пеших переходов мне хотелось скинуть одежду, броситься в воду и поплыть.

– Принц, почему вы считаете, что вода непригодна для питья? Что тревожит ваших людей?

И вдруг, несмотря на игру света на поверхности, я разглядел хвостатых головастика, похожих на гигантские сперматозоиды. Затем показались большущие пучеглазые лягушки с длинными белыми задними лапами. Казалось, что они самые счастливые существа из всего живого вокруг.

– Так вот оно что – лягушки! – протянул я. Айтело вяло кивнул. – Как они попали сюда?

Айтело не мог ответить на этот вопрос. То была тайна, покрытая мраком. Лягушки появились в водоеме около месяца назад и сделались проклятием для племени. Скотина дохла от жажды.

– Побойтесь Бога, ваше высочество! Не слишком ли сильно сказано – проклятие? Вы образованный человек. Лягушка – безобидная тварь, от нее никакого особенного вреда.

– Особенного – нет, – согласился принц.

– Зачем же морить скотину только из-за того, что в водоеме плавает несколько лягушек?

Принц поднял руки:

– Коровы не пьют, если в воде живность.

– Тогда почему же вы не избавитесь от лягушек?

– Живое существо трогать нельзя.

– Какая чепуха! – фыркнул я. – Бросьте, принц. Можно процедить воду, можно отравить лягушек. Есть масса способов избавиться от них.

Айтело прикусил губу, закрыл глаза, сделал глубокий вдох, с шумом выдохнул и покачал головой.

– Ваше высочество, давайте спокойно обсудим сложившуюся ситуацию. Если так будет продолжаться, то в вашем поселке будут сплошные коровьи похороны. Дождя не предвидится. Сезон дождей прошел. Вам нужна вода? Вода есть. – Я понизил голос: – Послушайте, принц, я сам иногда веду себя неразумно, но сейчас речь о том, чтобы выжить. Это главное.

– Да, сэр, но мой народ напуган, никто никогда не видел таких странных животных.

– Я единственный раз слышал, что из-за лягушек разразилась эпидемия. Это было в Египте.

Упоминание страны пустынь и пирамид обострило ощущение, которое я испытывал с самого начала: мы с Ромилеем пришли в очень древние края. Из-за проклятия, насланного на племя арневи, туземцы встретили меня слезами. Обстоятельства сложились чрезвычайные. Теперь вода показалась мне черной. Водоем превратился в озеро тьмы, в котором завелись противные пятнистые твари; они плавали, прыгали, выползали на камни, истошно квакали, мигая

выпученными глазами. Только последний дурак, путешествуя по свету, может наткнуться на такое дурацкое явление.

«Ну, погодите, гады, – думал я. – Вы у меня в адовом пламени попрыгаете».

VI

Над резервуаром роилась мошкара. Вода меняла цвет: попеременно становилась то желтой, то зеленой, то красно-коричневой.

– Вы не можете трогать тех тварей, – сказал я Айтело. – Но что, если в деревне появится незнакомец и сделает это за вас? – Я понимал, что не успокоюсь, пока не разберусь с лягушками и не избавлю арневи от беды.

По неписаным законам племени принц не имел права давать разрешение на уничтожение живых существ, но я понял: и он, и все остальные будут рады, если я стану их благодетелем.

Айтело уклонился от ответа. Только тяжело вздохнул, повторяя одно и то же:

– Исключительно трудное время, исключительно трудное.

– Доверьтесь мне, принц.

Арневи питаются в основном молоком, и падеж скота означал для них голод. Они не едят мяса, за исключением тех случаев, когда корова поддыхает естественной смертью, но и этот ритуал считается почти людоедством.

Мы пошли к моему жилищу, вернее, к дому Айтело и Мталбы. Мне хотелось привести себя в порядок перед тем, как меня представят королеве. По пути я прочитал принцу небольшую лекцию.

– Вам известно, почему римляне победили иудеев? Потому что те не могли сражаться в субботу. Похожая ситуация и у вас. Что вы предпочитаете – сохранить жизнь себе и коровам или же сохранить верность отжившему обычаю? Лично я выбрал бы жизнь – хотя бы для того, чтобы ввести в обиход новые обычаи. Зачем гибнуть из-за каких-то земноводных?

Принц внимательно выслушал меня.

– Гм... интересно. Чрезвычайно интересно.

Мы подошли к дому, который отвели для нас с Ромилеем. Слепленный из глины, с конусообразной крышей, он стоял на площадке у дворца.

Мы трое вошли. Внутри было светло, прохладно и пусто. Я и Айтело присели на низкие скамьи перевести дух, а Ромилей принялся разбирать наши нехитрые пожитки.

Закопченные шесты, уложенные на расстоянии метра друг от друга, с настилом из тростника и пальмовых листьев, похожих на китовый ус, образовывали потолок. Настал самый жаркий час дня, воздух совершенно застыл, и потому запах растительности, доносившийся сверху, был особенно приятен. Я едва не валился с ног от усталости и не мог отделаться от мыслей о водоеме и лягушках. Не было сил даже выпить, хотя я запасся полудужиной фляг с виски.

Айтело прервал молчание. «Из вежливости», – подумал я, но через пару минут понял, что ошибся.

– Я учился в Малинди. Замечательный город, на редкость замечательный.

Позже я узнал, что Малинди когда-то служил портом для китобойных судов, ходивших вдоль восточного побережья, был средоточием арабской работорговли. Айтело начал говорить о своих скитаниях по тем местам. Он путешествовал со своим другом Дафу, который стал вождем племени варири. Оба плавали по Красному морю на каких-то старых корытах, работали на строительстве железной дороги, которую до Первой мировой турки прокладывали к Медине. Я немного знаком с тем периодом истории Среднего Востока, поскольку моя маман выступала горячей защитницей армян, подвергшихся массовой резне со стороны турок.

Я немало читал о Лоуренсе Аравийском и узнал, как распространены на Среднем Востоке американские просветительские учреждения. Многие турки и даже сам Энвер-паша учились в американских школах. Каким образом полученные там знания подвигли их развязывать войны, плести заговоры и истреблять другие народы – осталось тайной за семью печатями.

Что до Айтело, сына вождя малочисленного скотоводческого племени, затерявшегося на плато Хинчагара, тот посещал школу при христианской миссии где-то в Сирии. Такое же образование получил его друг в племени варири. Оба вернулись на родину, в глухомань.

– Наверное, это было интересно – посмотреть, как обстоят дела в мире, – сказал я.

Айтело улыбался, но сидел в какой-то напряженной позе – широко расставив колени и опершись одной рукой о землю. Я догадался: что-то должно произойти. Пережитое, запавшее мне в память и душу, – долгий пеший поход, ржание зебр по ночам, то восходящее, то нисходящее, как музыкальные гаммы, солнце, переменчивые цвета тропиков, скот и плачущие люди, водоем с лягушками – все вокруг находилось в состоянии неустойчивого равновесия.

– Принц, – спросил я, – что вы собираетесь делать?

– У нас есть правило. Каждый гость должен выдержать схватку. Таков ритуал знакомства.

– Чудное правило... – Я колебался, не зная, как быть. – Не могли бы вы на этот раз отменить или по крайней мере отложить состязание? Я страшно устал. Надо набраться сил.

– Нет, – возразил он. – Гость пришел, должен бороться. Всегда.

– Понимаю. Вы, должно быть, чемпион по борьбе?

Ответ на этот вопрос я знал, поскольку видел его могучее телосложение. Потому он и встречал меня, потому вошел в хижину вместе со мной. Потому так радовалась предстоящему зрелищу ребятя.

– Ваше высочество, я готов сдаться без боя. Вы человек недюжинной силы, а я уже поставлен для спорта...

Но тот, обхватив меня за шею, начал гнуть к земле.

– Не надо, принц, пожалуйста, не надо!

Ромилей не отреагировал на мой умоляющий взгляд.

Айтело продолжал давить. С головы у меня свалился пробковый шлем с защитными в подкладку паспортом и деньгами. Он уже сел на меня верхом, а я лежал на животе, уткнувшись носом в песок, и беспомощно дрыгал ногами. Руки меня не слушались, были как связаны.

– Ну же, – твердил Айтело, – сопротивляйтесь, сэр!

– Я стараюсь, ваше высочество, но при всем к вам уважении...

Принц сполз на пол. Подсунув под меня ногу, как рычагом перевернул меня на спину и тяжело задышал мне в лицо.

– В чем дело? Боритесь, Хендерсон!

– Ваше высочество, я десантник-диверсант. Если б вы знали, как нас муштровали в Кэмп-Блендинге. Нас учили убивать, а не заниматься спортивной борьбой. Со мной лучше не драться один на один. Я знаю сотни приемов одолеть врага. Могу порвать ему пасть, ткнув в нее палец. Могу сломать ему руку. Могу выдавить глаза. Конечно, я стараюсь избегать стычек и вообще принципиальный противник насилия. Когда крупно повздорю с кем-нибудь, дело каждый раз кончается самым плачевным образом. – Песок забивался мне в нос. Я задышался. – Давайте избежим драки. Мы же цивилизованные люди. Лучше поберечь силы для борьбы с погаными земноводными.

Айтело не отпуская меня. Тогда я знаком дал понять, что хочу сказать что-то очень важное.

– Ваше высочество...

Айтело снял руку с моего горла. Я не оживился, чего он, видимо, ожидал, не запрыгал от радости. Я всего лишь вытер лицо куском темно-синей материи, висевшей на веревке. Итак, пора познакомиться с Айтело. На пути с северо-востока Африки до Малой Азии и обратно он повидал, естественно, немало слабаков, слюнтяев. Судя по выражению его лица, он решил – я из этой категории. Что есть, то есть. Я нередко бываю в подавленном состоянии из-за моих проблем и внутреннего голоса, который неизвестно чего хочет. И вообще смотрю на многие явления в мире как на лекарственные средства, которые то улучшают, то ухудшают состояние.

Сейчас я вообще рукой за сердце схватился. Как это сделал умирающий маркиз де Монткалм, командующий французской армией во время Семилетней войны с англичанами. Его ранило в бою, и он скончался на поле фермера.

Итак, я стал грузным и малоподвижным, хотя когда-то был легким и ловким для своих лет. До сорока лет я увлекался теннисом и метался по корту, как молодой кентавр, слал длинные драйвы и обрушивал на соперника мощнейшие смэши. От моих ударов ломались ракетки, мячи рвали сетку, буравили площадки. Однажды я поставил рекорд: выиграл подряд пять тысяч сетов за сезон.

Не всегда я был такой печальный и медлительный...

– Принц, полагаю, вас никто ни разу не победил?

– Да, это так. Победитель всегда я.

Глаза у него блеснули. Еще бы, ткнул меня мордой в песок и сделал вывод: я рослый, но беспомощный, грозный с виду, но не представляющий угрозы – как тотемный столб или галапагосская черепаха.

«Как мне вернуть уважение?» – поразмыслил я и решил: нужен второй тур состязания.

Я скинул футболку и сказал:

– Ваше высочество, в спорте дают три попытки на то, чтобы выполнить упражнение. Предлагаю повторить схватку.

Ромилей не реагировал на мой вызов, так же как не реагировал, когда Айтело сказал, что надо знакомиться.

Принц не заставил упрашивать себя. Он вскочил со скамьи и занял классическую стойку: присел и выставил вперед руки. Я сделал то же самое. И мы закружили по хижине.

Мы по очереди попытались сделать захват ниже пояса, но ни мне, ни ему прием не удался. Видя, как перекачиваются плечевые мышцы моего противника, я решил немедленно использовать преимущество в весе, иначе могу потерять голову и пустить в ход какой-нибудь опасный прием из числа тех, которым нас обучали в Кэмп-Блендинге. Поэтому я припомнил простейшую технику: напружинил мышцы брюшного пояса, с разбегу ударил Айтело животом (с наколкой «Френсис»). Одновременно подножка, сильный толчок обеими руками в грудь соперника – и тот рухнул навзничь. Я навалился на него всем телом и стукнул головой об пол. Айтело затих. Я сел на него верхом и коленями придавил раскинутые руки к земле, поздравляя себя с тем, что не пришлось прибегнуть к приемам, опасным для жизни.

Должен признаться, что фактор неожиданности (или везения) был на моей стороне, и с этой точки зрения я выиграл бой не вполне честно.

Я встал и помог подняться Айтело. Он был до того рассержен, что переменился в лице, но не сказал ни единого слова. Снял блузу и зеленый шарф с пояса и сделал несколько глубоких вдохов и выдохов.

Начался второй раунд схватки. Мы снова принялись кружить по хижине. Я старался держаться на ногах как можно крепче, так как ноги – мое слабое место. Даже хожу иногда с большим трудом, тащусь, как пахотная лошадь, напрягая грудь, живот, спину, шею. Айтело сообразил, что не должен дать мне использовать мое преимущество в весе. Я стоял в настороженном ожидании, выставив локти, как краб выставляет клешни. Вдруг Айтело одним прыжком подскочил ко мне и правой рукой обхватил меня за горло. Не помню, как профессиональные борцы называют этот прием. Другой, свободной рукой он мог измолотить мне лицо, но это было против правил. Рывком он попытался повалить меня на спину, но я упал плашмя, сильно удивившись. Мне даже показалось, будто грудная клетка раскололась надвое. Кроме того, очень пострадал мой нос. Было ощущение, что косточка и хрящ превратились в сплошное месиво. Тем не менее несколько извилин в мозгу остались целыми и я сохранил способность мыслить, что само по себе немаловажно. После того памятного утра с нулевой температурой, когда я колот дрова, а отлетевшее с колоды полено стукнуло меня по носу и я подумал: «Момент

истины: правда является человеку вместе с ударом судьбы», – я научился извлекать пользу из неприятностей такого рода. Это умение и пригодилось сейчас. Только мысль мелькнула другая, весьма странная: «Прекрасно помню час, что грубо потревожил покой моей души».

Между тем усевшийся верхом на мою спину Айтело начал сжимать колени. В глазах у меня мутилось, кровь стыла в жилах. И тем не менее большими пальцами обеих рук мне удалось надавить на внешние стороны выше его коленей, там находится мышца, которую анатомы называют приводящей. Ноги его распрямились, захват ослаб. Пользуясь моментом, я изогнулся, схватил Айтело за волосы и стащил с себя. Затем сунул руки за пояс его штанов, приподнял его и изо всех сил бросил на пол. Бедному принцу стало нечем дышать.

Полагаю, он уверился в своей победе, как только увидел меня, рослого, но стареющего, обливающегося потом, с большим животом и печальными глазами. Не стоит строго судить его за эту уверенность.

И вот теперь, когда бой кончился, я почти пожалел, что победителем вышел не он. Достаточно было видеть, как Айтело летел на пол, даже не летел, а низвергался, как какой-нибудь предмет низвергается в Ниагарский водопад. Надо было видеть его лицо.

Я не мог злорадствовать, увидев, как грохнулся Айтело, – так, что на нас едва не обрушилась крыша хижины. У меня закололо сердце, и все же я для верности сел на него, распластанного на полу. Не сделай я этого, принц счел бы себя оскорбленным.

Нет. Айтело не мог устоять перед моей мускулатурой, моим костяком, уступал мне силой духа.

Кроме всего прочего, я всегда был первоклассным драчуном. Еще подростком затевал драки с кем попало.

– Ваше высочество, не принимайте случившееся близко к сердцу.

Айтело закрыл лицо руками и даже не пытался встать. Мне хотелось утешить его, но на ум приходило только то, что могла бы сказать Лили: «Плоть – всего лишь мясо и кости, гордыня – грех, а смирение – добродетель», и так далее.

Я испытывал глубокую жалость к поверженному сопернику и ко всему его племени. Мало того что арневи страдали от засухи и лягушек, тут еще невеста откуда является какой-то Хендерсон и дважды кладет на обе лопатки члена королевской фамилии.

Тем временем принц стал на колени и посыпал голову песком. Потом взял мою ногу в грязном башмаке, поставил себе на голову и зарыдал громче, чем та девица, что шла впереди плачущей толпы, встречавшей нас с Ромилеем.

Должен сказать, что Айтело плакал не только из-за того, что потерпел поражение, – он испытывал глубокое душевное потрясение. Я старался снять ногу с головы несчастного, но тот держал ее крепко и повторял раз за разом: «Ах, мистер Хендерсон, теперь я вас узнал! Да, сэр, узнал!»

– Нет, ваше высочество, не знаете, но сейчас узнаете. Сказать, что наделило меня физической силой? Горе и горечь. Я ворочал валуны, мешал бетон, колол дрова, чистил свинарник – ничто не радовало меня. Потому и сила у меня несчастливая. Поверьте, как борец я вам не чета.

Я лукавил, потому что, как ни старался, никогда не знал проигрыша ни в игре, ни в споре, ни в драке. Партии в шашки с моими детьми превращались в поддавки. Не знаю, почему их пухлые губки дрожали от обиды (Господи, как же они возненавидят меня, когда вырастут!). Сделав неверный ход, я восклицал: «Сдаюсь!»

Я не до конца понимал, что чувствует соперник, пока тот не обнял меня и, уткнувшись головой мне в плечо, не сказал: «Теперь мы друзья». Эти слова поразили меня в самое сердце, наполнили его неизбывной тоской и благодарностью.

– Принц, я горжусь вашей дружбой. Для меня это большая честь! – Я покраснел, думая об одержанной победе, но все равно старался преуменьшить ее значение. – Просто на моей стороне – огромный опыт. Вам такой и не снился.

– Теперь я вас знаю, сэр. Да, знаю, – сказал он.

VII

Весть о моей победе уже разнеслась по всему селению. На пути к королеве женщины встречали нас с Айтело громкими рукоплесканиями, а мужчины – оглушительным свистом. Принц отнюдь не был похож на побитую собачонку. Он шел легко, словно пританцовывая, и, улыбаясь, раскланивался в обе стороны.

– Африканцы отличные ребята, – сказал я Ромилею. – Не находишь?

Королева Виллателе и ее сестра Мталба ждали нас под навесом из тростника. Королева восседала на скамье, позади нее, как государственный флаг, полоскалось на ветру красное одеяло. Когда я и Ромилей с мешком подарков за плечами подошли ближе, она сердечно улыбнулась почти беззубым ртом и протянула мне маленькую ручку. Все ее существо дышало добродушием. Я тоже подал руку и удивился: она положила ее между грудей. Я знал, что это принятая форма приветствия, Айтело при первой встрече сделал именно так, но чтобы женщина... Я слышал, как билось королевское сердце, естественно и ровно, как вращается на своей оси Земля. У меня сам собой открылся рот, глаза помутнели: мне показалось, будто я прикоснулся к тому месту на женском теле, где зарождается жизнь. Правда, я быстро опомнился, в свою очередь, приложил ее руку к груди и сказал: «Хендерсон. Меня зовут Хендерсон». Придворные захлопали в ладоши, видя, как быстро пришелец перенял обычай племени, а я подумал: «Молодец, Хендерсон, так держать!»

Весь вид королевы, каждая часть тела говорила об устойчивом ее положении. Лицо женщины было широкое, волосы седые. На плечах – львиная шкура. Знай я тогда о львах столько же, сколько знаю сейчас, то лучше бы понял правительницу племени. Ее наряд поразил меня. Хвост с черной кисточкой на конце уложен вдоль спины и связан узлом с поднятой лапой на груди королевы, тогда как воротником служила львиная грива. Лицо сияло счастьем, но на одном глазу я заметил бельмо.

Я низко поклонился правительнице, а та затряслась от смеха. Еще бы, поклон человека в потрепанных шортах заслуживал кисти художника.

Прежде всего я выразил сожаление по поводу засухи, падежа скота и засилия лягушек. Я понимал, что арневи вынуждены сейчас питаться хлебом печали, и потому выразил надежду, что мое присутствие не обременит их.

Айтело переводил мою речь. Когда он перечислял беды племени, лицо королевы продолжало озарять улыбка – долгая, как лунная дорожка на поверхности моря.

Я был тронут и поклялся себе, что буду действовать. «Пусть погибну, но прогоню или уничтожу лягушек».

Потом я сказал Ромилею, чтобы он доставал из мешка подарки. Первым появился полиэтиленовый дождевик в таком же пакете. Я нахмурился: подарок был смешон в засуху и вообще пустячный. Меня оправдывало то, что я путешествовал налегке, и вдобавок намеревался преподнести ей другой, бесценный подарок – избавить арневи от всех напастей. Но королева была рада дождевику и захлопала в ладоши, а ее прислужницы – те, которые были с малолетними детьми, – подняли малышей высоко над головой. Мужчины, как водится, засвистели. Много лет назад Вэнс, сын шофера, попытался научить меня свистеть. Но сколько я ни совал два пальца в рот, у меня ничего не получалось. Поэтому я решил попросить кого-нибудь из африканцев научить меня свистеть. Это послужило бы мне наградой за мои старания.

– Простите меня, принц, – сказал я Айтело. – Понимаю, что мой подарок не достоин ее величества, тем более...

Принц успокоил меня: тетушка счастлива получить дождевик.

Подарки – разные безделушки – я выбирал по объявлению в спортивной секции воскресной «Нью-Йорк таймс» и магазинчикам на Третьей авеню. Принцу я подарил компас с

прикрепленным к нему крохотным биноклем, в который мало что можно разглядеть, а сестре королевы, Мталбе, охотнице до курева, – австрийскую зажигалку. Мталба была особа в теле, некоторые части ее фигуры, особенно грудь, были настолько велики, что кожа порозовела от натяжения. В некоторых частях Африки женщины специально полнеют, чтобы считаться красавицами. На Мталбе, как на кочане капусты, было с полдюжины одежек, и недаром – иначе тучное тело расплзлось бы, словно тесто из квашни. Руки у нее были выкрашены хной, а стоящие торчком волосы – темно-голубой краской. В общем и целом она выглядела ухоженной, довольной жизнью и была, вероятно, любимицей в семье.

Сестра королевы положила мою руку себе на грудь и произнесла: «Мталба. Мталба охонто» («Мталба. Ты нравишься»).

– Она тоже мне нравится, – сообщил я принцу.

Тем временем королева надела дождевик. Я попытался объяснить назначение подарка, но Айтело не мог перевести слово «водонепроницаемый». Тогда я взял рукав плаща и лизнул его. Виллателе истолковала мое движение неверно и лизнула меня в ухо и в покрытую щетиной щеку. Я едва не вскрикнул от неожиданности.

– Не кричать, господин, – услышал я совет Ромилея.

Королева прижала мою голову к груди.

– А это еще зачем?

– О'кей, господин, все в порядке, – объяснил Ромилей.

Айтело выпятил губы, давая понять, что я должен поцеловать его тетушку в живот, поскольку мне оказана особая королевская милость. Я облизал потрескавшиеся губы и приложил к ее пупку. На меня пахло жаром и запахом женского тела, уши слышали урчание в желудке. У меня было такое ощущение, будто я лечу на воздушном шаре над островами Пряности и оттуда тянет острыми томительными ароматами. Мталба тоже было потянулась к моей голове, но я притворился, что не понял ее жеста, и сказал Айтело:

– Как же это получается? Все племя льет слезы, а ваши тетушки веселятся вовсю.

– Они женщины Горя.

– Горечи? Не мне судить, где горе, где счастье. Но сестры явно наслаждаются жизнью.

– Да, они счастливые. Они Горемыки.

Айтело стал подробно объяснять, что Горемыка – личность особая, воплощение серьезности. Никто не может быть лучше и выше ее. Горемыка и мыкает горе, и помыкает им. Потому и веселится. Более того, Горемыка не только женщина, но и мужчина одновременно. Одни придворные Виллателе – ее мужья, другие – жены. И тех и других у нее навалом. Жены зовут ее мужем, мужья – женой. Детям она и отец, и мать.

Горемыки преодолели обычные человеческие слабости и благодаря своему превосходству делают что им заблагорассудится. Мталба тоже на пути к совершенству.

– Вам повезло, Хендерсон. Вы понравились тетушкам.

– Значит, они хорошего обо мне мнения?

– Самого высокого. Восхищаются вашей внешностью и тем, что вы победили меня.

– Наконец-то моя сила на что-то пригодилась. Перестала быть бременем для других. Скажите, принц, неужели эти женщины бессильны против лягушек?

Айтело, посерьезнев, кивнул.

Затем слово взяла королева, начав с приветствия по поводу моего прибытия. Голова у нее слегка тряслась, руки двигались перед моим лицом, слышалось прерывистое дыхание. Потом она умолкла, улыбнулась, не раскрывая рта, и устала на меня здоровый глаз.

У меня было два переводчика, поскольку в церемонии не мог не участвовать Ромилей. Он обладал чувством собственного достоинства и был образцом куртуазности на африканский манер, будто его с молодых ногтей готовили к жизни при дворе. Голос у него был высокий,

и говорил он, растягивая слова, поглаживая подбородок одной рукой и назидательно подняв указательный палец другой.

После приветствия королева осведомилась, какого я роду-племени. Ее естественный вопрос немного испортил торжество. Не знаю, почему мне всегда неприятно рассказывать о себе, но я затруднился ответить. Может, надо было сказать, что я богатый человек и приехал из Америки? Но она вряд ли знает, где она, эта Америка. Цивилизованные женщины – и те не сильны в географии. Спросите мою Лили, куда течет Нил – на юг или на север, она не ответит. Виллателе наверняка не ожидала услышать название континента. Я стоял с отвислым животом, поцарапанным в схватке с Айтело, и размышлял, что ответить. Повторю: лицо у меня своеобразное. Из-под полуопущенных век я видел, как женщины поднимают грудных младенцев над головой, чтобы показать им удивительного пришельца, а те, оторванные от груди мамаш, ревут. Природа в Африке находит свое крайнее выражение. Младенческий рев напомнил мне о ребенке из Данбери, которого нашла и принесла домой моя незадачливая дочь Райси. Воспоминание резануло меня как ножом, и я снова впал в состояние подавленности. Прошное опять тесно обступило меня, сдавило грудь. Кто же я, кто? Бродяга-миллионер? Прирожденный грубиян и буйан? Скиталец, покинувший страну, основанную его предками? Человек, которому внутренний голос твердит: *«Хочу, хочу!»*? Который с отчаяния пиликает на скрипке в надежде услышать ангельские голоса? Человек, обязанный пробудить свою душу ото сна, иначе...

Что я мог сказать этой африканской королеве в львиной шкуре и дождевике поверх нее (она уже успела надеть его и застегнуть)? Что я растратил все, что дала мне природа, и разъезжаю по белу свету в поисках исцеления? Или что прощение грехов вечно и неизменно, как я вычитал в какой-то книге и по беспечности потерял ее? «Ты должен ответить этой женщине, – сказал я себе. – Но что?»

Королева увидела, что я тупо молчу, и переменяла тему. Чтобы убедиться, что дождевик действительно не пропускает влагу, она окликнула одну из своих длинношеих жен и велела той плюнуть на полу плаща, растереть плевков и пощупать с изнанки. Там было сухо, о чем она не замедлила сообщить присутствующим. Виллателе снова обняла меня, готовая оказать королевскую милость. Я второй раз приник к ее животу, опять почувствовал исходящую из него силу и опять подумал: *«Когда же наступит час пробуждения моего духа?»*

Между тем мужчины, почти все атлетического сложения, продолжали свистеть, широко, как сатиры, разевая рты (в остальном они ничем не напоминали этих мифологических существ). Женщины хлопали в ладоши, вытянув руки, точно играли в волейбол, и приседали, как бы принимая мяч.

Впервые увидев арневи, я понял, что жизнь среди них может изменить человека вроде меня к лучшему. Они уже показали, что расположены к незнакомцу, и мне захотелось чем-нибудь отблагодарить их. «Если бы я был врачом, то сделал бы операцию на глазах Виллателе, удалил бы катаракту», – подумал я, и тут же мне стало ужасно стыдно, что я не врач. Прodelать такой путь и принести так мало пользы? Сколько мужества, подготовки и находчивости требуется для того, чтобы проникнуть в самое сердце Африки и оказаться не тем, кем должен быть... Знакомая мысль завладела мной: я занимаю во Вселенной чье-то чужое место. Смешно жалеть, что я не врач, ведь большинство медиков – ничтожные людишки, а некоторые доктора, кого я знаю, – нечистоплотные вымогатели. И все же я в тот момент вспомнил кумира моего детства Уилфреда Гренфелла, который основал миссию на Лабрадоре и лечил местных жителей. Лет сорок назад, читая его книгу на заднем крыльце, я дал себе слово тоже стать медиком-миссионером. Плохо, что страдание – едва ли не единственный способ разбудить спящий дух. Бытует мнение, что и любовь способна на такое. Так или иначе я предполагаю, что сюда, в селение арневи, должен был бы прибыть не я, а другой, человек практичный и полезный. Несмотря на все очарование двух женщин королевской крови, я переживал настоящий душевный кризис.

Помню один разговор с Лили. Я спросил: «Как по-твоему, я не слишком стар, чтобы заняться изучением медицины?» Лили – не из тех женщин, которые могут дать ответ на практический вопрос, но она сказала: «Ну что ты, милый! Учиться никогда не поздно. Ты, может, до ста лет проживешь». Она ведь считала меня «живучим».

– Хотел бы прожить до ста, – сказал я ей, – чтобы поступить в ординатуру в возрасте шестидесяти лет, когда другие уже уходят на покой. Но я ведь не «другой», мне неоткуда и некуда уходить. Естественно, я не рассчитываю прожить пять или шесть жизней, дорогая Лили. Больше половины тех, кого я знал в юности, давно на том свете, а я, как видишь, строю планы на будущее. Для себя и для домашних животных. У человека за всю жизнь бывает пять или шесть собак. Каждая из них в свой срок дохнет, а затем уходит и их хозяин. Трудно думать о поступлении в ординатуру, чтобы научиться анатомировать трупы или принимать роды. У меня не хватит терпения пройти курс анатомии.

По крайней мере Лили не высмеяла меня, как когда-то Френсис.

«Если бы я изучил естественные науки, – думал я сейчас, – то, вероятно, нашел бы простой способ избавиться от лягушек».

Настала моя очередь получать подарки. Сестры пожаловали мне подушку в леопардовой шкуре вместо наволочки, а также корзину печеного ямса, покрытую соломенной салфеткой. Мталба закатила глаза – верный признак, что она в меня втрескалась – и лизнула мне руку. Я отдернул ее и вытер о штаны.

Но вообще-то я думал, как мне повезло: попал в замечательное место. Королева поможет мне исправиться, если захочет. Разожмет ладонь и покажет зачаток, зародыш всего, что есть, покажет тайну бытия. Я был абсолютно уверен, что она владеет ею. Земля – это гигантский шар, который держится в пространстве благодаря собственному вращению и силовым потокам магнитного поля. Мыслящие существа, населяющие планету, движутся вместе с нею, каждое по своей орбите. Виллателе понятия не имела ни о вращении, ни о земном магнетизме, и это дало ей силы и научило радоваться жизни. Посмотрите, как она счастлива, как растягивает в улыбке рот под плоским носом, как зорек ее здоровый глаз и неподвижен больной, перламутровый! Даже взгляд на нее приносил утешение, придавал силы и внушал надежду, что близится час пробуждения моего духа.

Меня охватило счастливое волнение, которое всегда вызывало у меня зубную боль. Это особенно касается эстетического наслаждения. От лицезрения красоты у меня ноют десны. Как в то осеннее утро, когда отцветали последние туберозы. Я стоял в своем вельветовом халате в зеленом полумраке под сосной. Сквозь ветви пробивалось оранжевое, словно лисий мех, солнце. Каркало воронье, приветствуя живописное умирание природы. Тогда у меня нестерпимо ныли десны – так же как сейчас. Я чувствовал, как отступает моя самонадеянность и заносчивость, даже тяжесть в животе ослабла.

– Послушайте, ваше высочество, не мог бы я поговорить с королевой?

– Вы ведь разговаривали с ней, Хендерсон.

– Я имею в виду серьезный разговор, а не светскую болтовню. Поговорить о мудрости жизни. Королева прониклась ею, и я хотел бы, чтобы она поделилась со мной.

– Хорошо, очень хорошо. Вы победили меня. Не могу отказать.

– Замечательно, что вы меня поняли, принц. Буду благодарен вам по гроб жизни.

Мталба снова взяла мою руку.

– Что она хочет?

– Она привязалась к вам. Вы видите, она самая красивая здесь женщина, а вы сильнее любого сильного. Вы завладели ее сердцем.

– Нужно мне ее сердце как корове седло, – раздраженно ляпнул я и начал думать над тем, с чего начать разговор с королевой, на чем сосредоточиться. На браке и семейном счастье? На детях и долге? На болезнях и смерти? На внутреннем голосе, что твердил: «Хочу!»? Но разве

это объяснить? Нет, необходимо найти самые простые и самые важные вопросы. Мысли мои начали путаться. Вот пример того, что было у меня на уме, когда я стоял на площадке перед жилищем королевы под навесом, – Лили, моя дорогая жена, незаменимая женщина, которая хотела, чтобы мы оба покончили с одиночеством. Теперь она не одна, но я по-прежнему одинок. Избавиться от одиночества могут помочь другие люди. Но между людьми существуют два типа отношений: братство или ненависть. На свете еще существует ложь. Люди лгут друг другу без зазрения совести. Лгут, полагая, что ложь лучше ненависти, или надеясь, что их ложь – во спасение. Оттого я недоверчив к людям.

Как же все-таки следует жить?

Может, с этого и начать?

Нет, так, с бухты-барахты нельзя. К серьезным вопросам надо подходить исподволь. Поэтому я сказал Айтело:

– Дорогой друг, пожалуйста, скажите королеве, что мне удивительно приятно просто видеть ее. Не знаю, что привлекает меня – ее внешность, или львиная шкура, или еще что. Но я смотрю на нее, и приходит покой.

Айтело перевел. Королева улыбнулась, подалась вперед и что-то сказала.

– Она говорит, что ей тоже приятно видеть вас.

– Правда? – обрадовался я. – Рад слышать. Словно глас Божий с небес. Для меня большая честь – познакомиться с нею.

Я обнял Айтело за плечи. Сердце мое переполняла радость.

– Ваше высочество, по правде говоря, вы сильнее меня. У меня хватает сил, это факт, но не такие нужны человеку. Вот у вас – хорошая, добрая сила.

Принц был тронут, сказал, что я преувеличиваю.

– Нисколько. Но мне понадобилось бы несколько месяцев, чтобы все объяснить. Моя душа – как ломбард, набитый невостребованными удовольствиями и вещами – старые кларнеты и фотоаппараты, неполные сервизы и траченные молью меха. Однако не будем спорить. Я только хочу сказать, что рад узнать ваше племя, и вас, и королеву. Замечательный вы народ. Я люблю вас. Я избавлю вас от лягушек, даже если это будет стоить мне жизни!

Мужчины засвистели негромко, мелодично.

– Тетушка спрашивает, чего бы вам хотелось, сэр.

– Вот как? Для начала спросите, кем она меня считает, поскольку сам я затрудняюсь определить, кто я такой.

Виллателе подняла брови, и ее здоровый глаз широко раскрылся, словно передавая внутреннюю сущность этой женщины. Веко другого, незрячего, глаза приспустилось, так будто она подмигнула мне. Пальцы шевелились, как при чтении книги, напечатанной шрифтом для слепых. Королева говорила, не отводя от меня взгляда. Айтело перевел ее слова: «Вы мощный человек, сэр. Сильный. (Я кивнул в знак согласия.) Голова полна мыслей. Имеете также качества (это ничего, ничего). Любите синь... (Айтело пару секунд подбирал слово, а я стоял в этом красочном жилище на золотом песке, глядя на коричневый кустарник чуть поодаль и слыша его коричневый запах, стоял, одержимый желанием узнать, что скажет обо мне ее мудрое величество.)

– Сенсации, – подсказал я.

Айтело продолжал:

– Она говорит, у вас много горя, мистер Хендерсон, ваше сердце лает...

– Вот именно, причем лают все три головы, как у сторожевого пса Цербера. Но почему оно лает?

Айтело вздрогнул, словно его потрясло то, что он услышал о человеке, с которым он познакомился, померявшись силами.

– Бешеные, – выдавил он.

– Признаюсь, так и есть. У вашей тетушки поистине дар проникновения в чужую душу...
Говорите, королева Виллателе, говорите, я хочу узнать правду. Не щадите меня.
– Страдаете, – перевел Айтело.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.